

АРТЕМ САВЕНКОВ

ИСКУССТВО НЕ СДАВАТЬСЯ

ИНОГДА
САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОБЕДА —
ПРОСТО ПРОДОЛЖАТЬ ЖИТЬ



Артем Савенков

Искусство не сдаваться

«Автор»

2026

Савенков А.

Искусство не сдаваться / А. Савенков — «Автор», 2026

Искусство не сдаваться Говорят, деньги дают свободу. Но никто не предупреждает, что однажды можно стать рабом собственной победы. Артём вырос среди нищеты, насилия и чужого равнодушия. Он поклялся никогда больше не быть слабым - и сдержал слово. Построил бизнес-империю, заработал миллионы и получил всё, о чём мечтал мальчик с пустыми карманами. Кроме счастья. В мире, где любовь превращается в сделку, успех - в зависимость, а люди измеряют собственную ценность чужим поражением, Артёму предстоит обнаружить самую дорогую иллюзию: будто жизнью можно управлять. Предательство, одержимость, преступление и встреча с настоящей любовью заставят его усомниться в правилах игры. «Искусство не сдаваться» - роман о человеке, который сумел победить весь мир, прежде чем понял, что воевал не с тем противником. Ведь иногда высшая форма победы - перестать сражаться.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Артем Савенков

Искусство не сдаваться

Часть 1. "Каменный фундамент"

Глава 1: Тень во дворе

Три часа ночи. Город спал мертвым, неестественным сном, который бывает только перед рассветом. В квартире пахло вчерашним табаком, перегаром и чем-то кислым. Артем не просто проснулся - он всплыл из глубин сна, как подводная лодка, включив все свои системы в одно мгновение. Ни единого зевка, ни потягивания. Тело работало с холодной, выверенной точностью.

Он прислушался. Из-за стенки доносился тяжелый, с присвистом храп - мать. И приглушенный вторичный храп - ее новый «друг». Оркестр. Артем скользнул с дивана, на котором спал, не разбирая постели. Одеяло было аккуратно сложено в ногах. Он не спал в своей комнате уже два года, с тех пор как мать заявила, что ей «нужен свой угол». Ее угол теперь пах чужим одеколоном.

Босиком, крадучись, как кот, он прошел в прихожую, в свою настоящую крепость - бывшую подсобку, чулан в два квадратных метра. Дверь закрывалась на маленький засов, который он привинтил сам. Внутри было тесно, но здесь царил идеальный порядок, контрастирующий с хаосом остальной квартиры. На полке - аккуратно свернутые штаны и куртка. Под ней - два ведра, метла, совок с начищенным до блеска алюминием, и грабли для уборки листьев. Все инструменты были чистыми, готовыми к работе. Он относился к ним с почти религиозным трепетом. Они были его оружием.

На самой верхней полке, за банкой с гвоздями, стояла его казна - жестяная банка из-под растворимого кофе. Он не стал ее открывать, только провел пальцами по шершавой поверхности. Внутри лежали не просто деньги. Там лежали дни, часы, минуты его жизни, обмененные на эту работу. Там лежало его будущее.

Он быстро оделся в поношенную, но чистую одежду, взял инструменты и, затаив дыхание, повернул ключ в замке входной двери. Скрипнула одна половина - та, что ближе к косяку. Он знал это и потянул ее особым движением, выводя из зацепления. Щелчок был тише падения иглки.

На улице его обдало морозным, свежим воздухом. Он сделал глубокий вдох, впервые за много часов полноценно наполнив легкие. Во дворе царила та же тишина, что и в его чулане - тишина порядка и ожидания. Он окинул взглядом спящие окна двух панельных гигантов, своих жилищных комплексов. Его владений.

Первая сосулька с оглушительным треском откололась от крыши и разбилась о асфальт где-то в темноте. Артем не вздрогнул. Он лишь поднял голову, оценивая работу. Завтра, вернее, уже сегодня, днем, он прошелся бы здесь с тем же совком, убирая ледяные осколки.

Он взял в руки метлу. И пошел наводить свой порядок в безумном мире. Первый взмах. Скребущий звук по асфальту был единственным, что нарушало предрассветную тишину. Он был тенью. Невидимкой. Хозяином.

Первый взмах. Скребущий звук по асфальту был единственным, что нарушало предрассветную тишину. Он был тенью. Невидимкой. Хозяином.

Ледяной ветер ударил в лицо, и его рука сама потянулась к воротнику куртки, чтобы поднять его повыше. Внезапно, сквозь запах свежего снега и бензиновой гари, до него донесся едва уловимый аромат - сладковатый, теплый. Жженный миндаль. *Миндаль*. Пахло марципаном.

И мир рухнул.

Не сейчас, - сурово приказал он себе. Но память уже не слушалась. Она была сильнее его воли.

Они шли по этому самому двору. Вернее, его папа, Дмитрий, шел широко и быстро, а он, десятилетний Артем, почти бежал рядом, едва поспевая, его маленькая рука была целиком и полностью укрыта в огромной, теплой, шершавой ладони отца. Это было чувство абсолютной безопасности. Весь мир был закован в броню из этой ладони.

- Значит, так, капитан, - отец снова взял его на руки, высоко, под самое небо, и Артем визжал от восторга. - Видишь вон тот сугроб? Там, по данным разведки, засели рептилоиды. Наша задача - незаметно подобраться и обезвредить!

- Есть обезвредить! - задыхаясь, кричал Артем.

Отец смеялся. Его смех был густым, грудным, похожим на далекие раскаты грома, в котором не было ни капли зла. Он пах табаком, морозом и чем-то своим, ни на что не похожим - папиным. Он посадил Артема на плечо, одной рукой придерживая за ногу, а другой доставая из кармана бумажный кулек.

- Подкрепление, боец. Чтобы силы не иссякли.

В кулке были фигурные пряники, покрытые розовой и белой глазурью. Они пахли ванилью и тем самым жженым миндалем. Марципаном. Артем откусил голову зайчику. Сладкий восторг разлился по всему телу. Отец смотрел на него, и в его глазах светилось что-то огромное, теплое, бесконечное. Любовь. Просто любовь.

- Пап, а мы завтра тоже так пойдем? - с набитым ртом спросил Артем.

- Ага. И послезавтра. И всегда. Пока ты не вырастешь и не станешь таскать на плечах своего старика.

Они дошли до края тротуара. Отец поставил его на землю, поправил на нем шапку.

- Держись крепче, сынок.

Он снова взял его за руку. Крепко-крепко. Так крепко, что, казалось, никакая сила в мире не сможет ее разомкнуть.

И они шагнули на пешеходный переход.

Артем так и не запомнил цвета машины. Не запомнил ее марку. Не запомнил лица водителя. В его памяти навсегда остался лишь один, растянувшийся в вечность кадр:

Отец, обернувшийся к нему, с улыбкой, полной того самого марципанового счастья. Его губы шевельнулись, он хотел что-то сказать. Последние слова. Которые Артем так и не услышал.

Потом был звук. Не грохот, не скрежет. Оглушительный, вселенский ХЛОПОК. Удар такой силы, что его почувствовала земля.

И ладонь... Ладонь, которая только что была такой теплой и сильной, вдруг разжалась. Мгновенно и безвольно. Его собственную руку резко дернуло назад, и он чуть не упал.

Наступила тишина. Абсолютная, звенящая, неземная. Длиной в одно сердцебиение. Два.

Потом кто-то закричал. Пронзительно, по-звериному. Кричала женщина на обочине. Потом закричали другие. Потом завывла сирена.

Но самый первый крик, тот, что разрезал тишину, вырвался из его собственной груди. Бессловесный, полный такого ужаса и непонимания, что мир в одно мгновение раскололся на ДО и ПОСЛЕ. На «когда папа был жив» и «когда его не стало».

Он стоял и смотрел на пустую, холодную ладонь, в которой только что была его вселенная. И смотрел на то, что лежало на проезжей части, в нескольких шагах от него. Он не понимал, что это. Это было что-то сломанное, неестественное, в пальто, которое он узнавал.

А на асфальте, рядом с растерзанным пряником, медленно расплзлось алое пятно. Оно было похоже на огромный, только что распустившийся цветок. Цветок смерти.

Вот так. От смеха до крика. От теплой ладони до ледяного асфальта. От марципана до крови.

Артем стоял, сжимая рукоять метлы так, что суставы на его пальцах побелели. Он дышал рвано и часто, выдыхая в морозный воздух облачка пара, похожие на стенания. Он снова был здесь, в своем дворе. Не десятилетним мальчишкой, а двенадцатилетним стариком.

Он провел рукой по лицу, смахивая несуществующие слезы. Он не плакал. Он забыл, как это делается.

Он посмотрел на спящие окна. Где-то там, за одним из них, спали дети, которые завтра утром проснутся и с криком «папа!» побегут будить своих отцов. У них было «всегда».

А у него был двор. И метла.

Он с силой ткнул метлой в невидимого врага, в прошлое, в боль. Лезвие скребка злобно заскрежетало по асфальту.

Артем с силой ткнул метлой в невидимого врага, в прошлое, в боль. Лезвие скребка злобно заскрежетало по асфальту, высекая крошечные искры. Этот звук вернул его в настоящее. Он был тенью. Но тенью, которая знала, что такое свет. И поэтому ненавидела темноту.

Артем двинулся вперед, его движения стали размеренными, почти ритуальными. Каждый взмах метлы был выверен, каждый наклон за осколком стекла или смятым пакетом - точен. Он не просто убирал мусор. Он проводил черту. Между хаосом и порядком. Между вчерашним днем, полным чужих голосов, пустых бутылок и материнских слез, и сегодняшним, который принадлежал только ему.

«Вот окурок, - думал он, подцепляя его совком. - Кто-то стоял здесь вчера вечером, нервно курил, смотрел на окно, ждал кого-то или, может, не решился зайти. А теперь его нет. А окурок - есть. Чужое настроение. Чужой мусор».

Он сгребал его в ведро.

«А вот обертка от шоколадки. Детская. Ее, наверное, обронил тот карапуз из третьего подъезда, которого бабушка всегда закутывает в триста одежек. Он шел из магазина, радостный, жмурясь от солнца, которого уже нет, и не заметил, как выронил. У него есть бабушка, которая вяжет ему носки и ругает за разбросанные вещи. А у этого клочка фольги больше нет хозяина. Он ничей. Как и я».

Мусор в ведре. Еще одна частица хаоса, обезвреженная, поставленная на свое место.

Это был его мир. Эти два двора, раздавленные друг к другу серыми боками панельных девятиэтажек. Его территория. Единственное место на всей планете, где он был не Артемом, сыном алкоголички, не парнем из неблагополучной семьи, за которым в школе учителя смотрят с жалостью и опаской. Здесь он был Архитектором. Демиургом.

Он поднял голову и медленно провел взглядом по темным квадратам окон. Они были похожи на печатные платы какого-то гигантского, спящего компьютера. И за каждым из них - своя программа. Своя жизнь.

«Вот там, на четвертом этаже, - семья Петровых. - Он - инженер, она - учительница. У них девочка-подросток, Машка. В семь утра они все вместе садятся завтракать. На столе - каша, бутерброды с сыром, чай. Они смеются. Он шутит про работу, она рассказывает про какого-то хулигана в классе, Машка хмурится и говорит, что не хочет носить эти дурацкие колготки. Они спорят. Они ссорятся. Они мирятся. Это нормально. Это по-настоящему».

Его рука сжала древко метлы. Не от злости. От жгучего, острого, почти физического желания хоть на секунду оказаться за тем окном. Почувствовать это тепло.

«А вон там, на самом верху, угловая квартира. Там живет старик, бывший военный. Он встает в шесть, делает зарядку, потом выходит с собакой, породистым немцем. Гуляет не спеша. Собаке лет десять, она уже старая. Он разговаривает с ней тихо, ласково, как с ребенком. А потом возвращается, и из его окна доносится запах кофе. Настоящего, молотого. Не как у нас из банки».

Он представлял себе эти запахи, эти звуки, эти сцены с такой ясностью, будто смотрел сериал. Это было его тайное знание. Его коллекция нормальных жизней.

Именно это и было его мотивацией. Не деньги. Деньги - это просто бумага, которую он складывал в банку из-под кофе, чтобы купить себе завтра. Нет. Его мотивацией были эти окна. Эти призрачные, идеальные миры за стеклами.

«Они спят. Они видят сны. Они не знают, что прямо сейчас, пока они в тепле и безопасности, кто-то наводит для них порядок. Чистит их мир. Чтобы утром, когда они выйдут на улицу, их не встретили окурки, плевки и битое стекло. Чтобы их дочь не наступила в собачью кучу. Чтобы их старый пес не порезал лапу».

Он делал их жизнь лучше. Чище. Более правильной. И пока он это делал, он сам, на эти полтора часа, становился частью этого правильного мира. Он был его невидимым стражем. Хранителем.

Холодный ветер пронизал его насквозь, но он его почти не чувствовал. Внутри него горел костер. Костер целеустремленности. Одинокая, но яркая звезда ненависти к тому бардаку, тому хаосу, что поглотил его собственную жизнь. Он не мог навести порядок в своей квартире. Не мог заставить мать перестать пить. Не мог воскресить отца.

Но здесь, на этом клочке асфальта, под равнодушными глазами спящих окон, он был Богом. И его воля была - чистота. Его закон - порядок.

Он распрямил спину, сгребая в кучу последние опавшие листья, припорошенные инеем. Скоро рассвет. Скоро его царству придет конец, и ему придется снова стать просто Артемом. Но пока он поднял полное ведро и понес его к мусорному контейнеру. Каждый его шаг был твердым. Уверенным.

«Ничего, - подумал он, глядя на первые розовые полосы на востоке. - Ничего. Я еще построю свой мир. Не здесь, в чужих дворах. А свой собственный. С теплым светом в окнах и запахом кофе по утрам. Обязательно построю».

А пока что он достал скребок и принялся счищать с лавочки у подъезда наледь. Слой за слоем.

Глава 2: Договор

Голод был единственным, что оставалось у него по-настоящему своим. Не просто пустота в желудке, а нечто большее - тупая, навязчивая сверлящая боль где-то в самом нутре, которая становилась его вторым «я». Она мешала думать о школе, о том, как другие дети на перемене достают из рюкзаков бутерброды, завернутые в чистую бумагу. Она заглушала даже стыд.

Артеμ стоял на кухне, зажав в руке последнюю пятирублевую монету. Мать дала ее три дня назад, сказав: «Купи себе чего-нибудь». Он не купил. Он растягивал ее, как мог, покупая в день по булке хлеба. Но сейчас в кармане была одна эта монета, а в холодильнике - пустота, пахнувшая затхлостью и одиночеством. На столе - пустая бутылка из-под дешевого портвейна и окурки, притушенные о ее край.

Он посмотрел на дверь в ее комнату. Оттуда доносился пьяный храп. Он знал, что будить бесполезно. В лучшем случае она что-то прохрипит и повернется на другой бок. В худшем - начнет кричать. В ее сумочке, которую он уже проверил краем глаза, тоже было пусто.

Именно в этот момент, под аккомпанемент голодного спазма и материнского храпа, в нем что-то щелкнуло. Окончательно и бесповоротно. Страх, неуверенность, детская надежда на то, что «взрослые все сами решат» - все это сгорело в один миг, как та бумажка, на которой он пытался решить задачу по математике, сидя на полу в прихожей при свете тусклой лампочки.

«Она не справится. Никогда».

Мысль была простая, как тот голод в животе. И такая же безжалостная. Он посмотрел на свои руки. Двенадцатилетние, еще детские, но уже достаточно сильные. Он посмотрел на грязный пол на кухне, на пыль в углах, на мусор, который некому было вынести.

И тут его взгляд упал на объявление, приклеенное скотчем к стенке лифта, которую он видел каждый день. Оно было уже старое, порванное по краям. «Требуется дворник. Обращаться к председателю ТСЖ».

Сердце вдруг заколотилось с новой, незнакомой частотой. Не от страха. От предчувствия. От возможности.

Он подошел к раковине, плеснул в лицо ледяной воды, стараясь смыть и остатки сна, и последние следы детской беспомощности. Потом нашел на балконе самую потрепанную, но целую тетрадь - ту, что мать не успела исписать или порвать. Вырвал из нее чистый лист. Взял карандаш.

Он не писал заявление. Он писал бизнес-план. Так он еще не называл это, но инстинкт подсказывал ему правильный путь.

«Убирать двор. Рано утром. С 4.00 до 6.00. Чтобы никто не видел». Почему рано? Потому что он не хотел жалости. Не хотел, чтобы его одноклассники или их родители видели его с метлой. Это была его тайная операция. Его война за выживание.

«Сколько брать?» Он прикинул в уме. Булка хлеба стоила 25 рублей. Пачка макарон - 40. Молоко - 60. Ему нужно было на еду хотя бы 100 рублей в день. Но он не мог просить 100. Это казалось огромной, нереальной суммой. Он написал: «200 рублей в день». Зимой, когда снег, - «300». Цифры вышли дрожащие, неровные.

Потом он сел и стал репетировать. Стоя перед зеркалом в прихожей, он смотрел на свое бледное, слишком серьезное отражение.

«Здравствуйте. Меня зовут Артем. Я хочу предложить вам услуги по уборке территории». Звучало глупо, по-книжному. Он смял мысленный листок.

«Я буду убирать ваш двор. Каждое утро. Буду делать чисто. Платить можно каждый день». Слишком просто, почти нагло.

Он глубоко вдохнул. Нужно было найти что-то среднее. Что-то, что покажет, что он не попрошайка, а деловой партнер. Пусть и странный, двенадцатилетний.

«Здравствуйте. Я живу в этом доме и вижу, что дворы нуждаются в регулярной уборке. Я готов выполнять эту работу ежедневно, с четырех до шести утра. Мой труд будет стоить 200 рублей в день. Вам не нужно оформлять меня официально, платить налоги. Это будет наша личная договоренность».

Да. Так лучше. Он повторил эту речь еще раз, глядя себе в глаза. Его голос не дрогнул.

На следующее утро, в семь, когда мать еще спала мертвым сном, он вышел из дома. Не в школу. Он пошел к дому номер 15, где, как он знал со слов соседок, жила председатель ТСЖ, Валентина Ивановна - женщина строгая, с пронзительным взглядом.

Его ладони вспотели, а сердце стучало где-то в горле. Он стоял у двери, не решаясь позвонить. Он представлял, как она засмеется, захлопнет дверь, пожалуется матери... Но за спиной у него был пустой холодильник и та самая, все еще сверлящая боль под ложечкой.

Он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, с пронзительным взглядом и усталыми складками у рта - Валентина Ивановна, председатель ТСЖ. На Артема она посмотрела с откровенным недоумением.

- Тебе чего, пацан? Прописка не та? Иди, матери скажи, разберётся.

- Здравствуйте, Валентина Ивановна. Меня зовут Артем. Я по поводу работы дворником,

- выпалил он, стараясь говорить максимально низко и чётко.

Валентина Ивановна закатила глаза.

- Работы? Ты с дуба рухнул? Глаза-то открой - тебе на работу ещё лет пять расти! Да по документам ты никуда не пройдёшь. Иди уроки учи.

В её голосе не было злобы, лишь привычное раздражение от ежедневной суеты. Она уже хотела закрыть дверь.

- Я это понимаю, - не отступал Артем, делая шаг вперёд. - Поэтому предлагаю компромисс. Вы платите мне ровно половину от ставки дворника. Остальное берёте себе. А как это проверить, вы наверняка знаете лучше меня.

Он произнёс это не как просьбу, а как деловое предложение. В его глазах не было ни капли детской наивности, только холодный расчёт. Валентина Ивановна замерла, придерживая дверь. В её взгляде промелькнул интерес, быстро сменившийся опаской.

- Да я-то знаю... - пробормотала она. - А вот проверка с районной управы может в любой день нагрянуть. Так не пойдёт. Слишком рискованно.

Артем почувствовал, как почва уходит из-под ног, но отступить было некуда. Он вспомнил обрывки разговоров, подслушанных у подъезда, и сделал свою последнюю ставку.

- Вы можете оформить кого-нибудь из знакомых, - тихо, но чётко сказал он. - Я слышал, некоторые даже за это доплачивают, чтобы стаж шёл.

В глазах Валентины Ивановны что-то щёлкнуло. Артем попал в точку. Она вспомнила свою тётку, которой до пенсии не хватало двух лет стажа, и которая готова была платить, лишь бы её куда-то «пристроили». А потом - соседку-инвалида, которая и ходила-то с трудом. *«Оформить на них, а работать будет он. Стаж идёт, пенсия копится, они довольны, я с их же выплат ему отстегну... Да и себе процент останется».* В её голове, привыкшей к мелким хозяйственным аферам, сложился чёткий, прибыльный план. Она отодвинула дверь и внимательно, уже без раздражения, оглядела мальчишку. Перед ней стоял не ребёнок. Стоял странный, не по годам острый деловой партнёр. В его сжатых кулаках и прямом взгляде читалась такая взрослая, выстраданная решимость, что ей стало почти не по себе.

- Ладно, - выдохнула она, и в её голосе появились нотки деловой сухости. - Договорились. Буду платить тебе двести рублей в день. Зимой, когда снег, - триста. Платить буду раз в неделю, в субботу, за выполненную работу. - Валентина Ивановна сделала паузу, подсчитывая свою выгоду. Ставка дворника 500 рублей обычная ставка и 800 зимняя, она имела выгоду с каждого. - Начнём с понедельника. Приходи в четыре утра. Ровно. Инвентарь в подвале, ключ у консьержки, Софьи Михайловны. Я ей скажу. Деньги будешь получать у меня. - Она пристально посмотрела на него, и её взгляд стал ледяным. - И чтобы чисто было, слышишь? Ни одной бумажки. Иначе - ни копейки. И всё, конец договорённостям.

Артем почувствовал, как камень спадает с души. Внутри всё дрожало от облегчения и торжества, но на лице он сохранил ту же деловую серьёзность. Он кивнул, коротко и твёрдо.

- Хорошо. Я не подведу. Спасибо.

Он развернулся и пошел прочь. Он не побежал и не запрыгал от радости. Он шел ровно, чувствуя, как с каждым шагом внутри него затвердевает что-то новое, прочное, стальное. Он только что заключил свой первый в жизни договор. Он только что получил свою первую работу.

Голод в животе никуда не делся. Но теперь у него был план, как его утолить. И не только его. Теперь у него была цель. И первая, самая главная победа.

Глава 3: Стая

Идея пришла к нему так же внезапно и практично, как все остальные. Ранним утром, закончив подметать, он увидел, как из подъезда вышла взволнованная женщина в дорогом халате, с трудом удерживая на поводке маленькую, трясущуюся от возбуждения таксу.

- Ну, Белка, ну потерпи же, мамочка сейчас... - она беспомощно оглядывалась, пытаясь и удержать собаку, и найти для нее подходящее место.

Артем наблюдал за этим несколько минут. Потом его взгляд перешел на другие подъезды. Вот пожилой мужчина, с трудом передвигающийся, выводит старого сеттера. Вот деловая женщина, нервно поглядывая на часы, пытается заставить овчарку сделать свои дела побыстрее.

Время. Им всем не хватало времени. А у него оно было. Ровно с шести до семи утра, между уборкой и школой, образовывался час. Час, который можно было монетизировать.

Он подошел к женщине с таксой. Она смотрела на него с опаской - незнакомый подросток в рабочей одежде.

- Извините, - сказал Артем, стараясь говорить максимально спокойно. - Я вижу, вы торопитесь. Я могу погулять с вашей собакой. Час. Сто рублей.

Женщина скептически покачала головой.

- Спасибо, нет. Она незнакомых не любит. Да и вообще...

Но «Белка», словно желая доказать обратное, вдруг рванула с такой силой, что поводок выскользнул из рук хозяйки. Вместо того, чтобы убежать, такса подбежала к Артему и впиалась зубами в его поношенную штанину, яростно рыча.

Боль была острой и внезапной. По коже поползли звездочки. Но Артем не оттолкнул ее, не закричал. Он замер. Он смотрел на это дрожащее, перепуганное существо, понимая, что ее агрессия - это лишь маска страха.

- Видите? - с обреченностью сказала женщина. - Она у нас такая нервная.

Артем медленно, очень медленно присел на корточки, не делая резких движений.

- Ничего, - тихо сказал он, глядя в блестящие глазки-бусинки. - Ничего страшного. Бояться - это нормально.

Он не пытался ее погладить. Он просто сидел и ждал. Спустя минуту собака разжала челюсти. Она отступила на шаг, все еще рыча, но уже без прежней ярости. Артем достал из кармана кусочек заранее припасенного хлебного мякиша и положил его на асфальт перед собой. Белка настороженно обнюхала, потом схватила и проглотила.

- Я буду гулять с ней каждый день в шесть утра, - поднявшись, сказал Артем женщине. - Если что-то случится - я живу в семнадцатом доме, меня все знают. Вы ничего не теряете.

Женщина, пораженная его терпением, вручила ему поводок. Так у него появился первый клиент. И первый шрам.

Эта первая прогулка стала для него университетом. Белка тянула, путалась под ногами, лаяла на каждую птицу. Он понял: одного желания заработать мало. Нужна **система**.

Он завел тетрадь. Не школьную, а свою, деловую. На первой странице он вывел: «Кинология. Наука о выживании».

Система Артема:

Карта маршрутов. Он составил в уме три разных маршрута по дворам и ближайшему скверу, чтобы собаки не привыкали к одному и тому же и не скучали.

Классификация поводков. Рулетка - для трусливых и непослушных, чтобы контролировать дистанцию. Короткий кожаный поводок - для крупных и спокойных. Длинный - для тех, кого можно отпустить на пустыре, предварительно убедившись в безопасности.

Снаряжение. Он сшил себе просторный жилет с множеством карманов. В одном - лакомства (теперь не хлеб, а специальные косточки из ближайшего зоомагазина, купленные оптом). В другом - пустые пакетики и перчатки. В третьем - запасные карабины и аптечка с перекисью и бинтом, купленные на первые деньги.

Психология. Он начал изучать характеры. Белка - «Истеричка». Сеттер Марс - «Философ». Овчарка Рекс - «Охранник». Он давал им имена в уме, не те, что дали хозяева. Эти клички отражали их суть. Он узнавал, кого нельзя подпускать к кошкам, кто боится машин, кого нужно первым подводить к другим собакам для социализации, а кого - выгуливать строго в одиночку.

Через месяц у него было уже пять постоянных клиентов. Выгуливать их поодиночке он уже не успевал. И тогда он совершил свой самый рискованный шаг.

Он договорился со всеми хозяевами о едином времени - ровно 6:00. Он приходил к каждому подъезду, забирал собаку, и через десять минут у него на поводках собиралась целая стая.

Первые попытки были хаотичными. Собаки путались, тянули в разные стороны, лаяли друг на друга. Прохожие с ужасом шарахались в сторону от худого мальчишки, которого вели на поводках пять разномастных псов. Но Артем не сдавался. Он стал вожаком.

Он изучил иерархию. Крупный и спокойный Рекс шел всегда первым, задавая маршрут. За ним - «середнячки». Истеричная Белка - в самом конце, рядом с Артемом, чтобы он мог ее успокоить. Он разговаривал с ними тихо и уверенно, как когда-то его отец на военной игре.

- Спокойно, стая. Идем ровно. Рекс, води. Белка, не дергай, все хорошо.

Он научился одним движением кисти распутывать поводки, предугадывать рывок, видеть заранее кошку или другую собаку. Его руки стали сильными, взгляд - зорким. Он не просто вел их гулять. Он вел их на задание.

Через два месяца он вел по утрам уже десять собак. Это был отлаженный механизм. Хозяева были в восторге. Их питомцы возвращались уставшими, довольными и чистыми. Они платили ему не только за прогулку, но и за результат - за счастливых и умиротворенных животных. Он ввел систему абонементов - скидка за месяц вперед. Деньги потекли стабильным ручейком.

Иногда, ведя свою шумную, счастливую «стаю» по пустынному утреннему городу, он ловил себя на мысли, что чувствует то же, что и во дворе с метлой. Контроль. Порядок. Они зависели от него. Они ему доверяли. В этом хаотичном мире, где он не мог контролировать ни мать, ни свою жизнь, эти десять поводков в его руке были нитями, которыми он держал свой маленький, но идеально организованный мирок.

Он был вожакom. И это давало ему сил пережить все, что ждало его дома.

Глава 4: Стены школы и шум дома

Школа была для Артема не храмом знаний, а перевалочным пунктом, странной, искусственной реальностью, где он должен был отбывать шесть часов, стараясь не привлекать к себе внимания. Он входил в здание, и с ним происходила метаморфоза: вожак стаи, хозяин двора растворялся, уступая место серой, невзрачной тени.

Его двойная жизнь проявлялась в мелочах. Пока одноклассники на переменах делились впечатлениями от вчерашних сериалов или планировали прогулки, он, прислонившись к стене в коридоре, с закрытыми глазами ловил редкие минуты покоя. Сон на ходу стал его вторым я. Он засыпал на скучных уроках истории, под монотонный голос учительницы, и просыпался от толчка соседа по парте, с трудом вспоминая, где он и какой сейчас век. Тетради его были в порядке, но домашние задания выполнены кое-как, в лучшем случае на твердую тройку. Не от глупости. От тотальной, выматывающей усталости.

Учителя чувствовали в нем загадку. На контрольных он мог выдать гениально простой ответ на сложнейшую задачу по физике, которую проходили два месяца назад, а на простейший вопрос по только что пройденной теме смотрел пустым, невидящим взглядом. Классная руководительница, Марья Ивановна, сокрушалась: «Способный мальчик, но совершенно не хочет учиться. И на родителей пожалуется бесполезно - мать является в школу только тогда, когда у нее самой проблемы».

Одним из немногих, кто видел не лень, а глубину, был учитель литературы, Сергей Петрович. Он читал в сочинениях Артема, посвященных «одинокости героя» или «цене выбора», не детские штампы, а выстраданную, слишком взрослую боль. Однажды, после урока, он задержал его.

- Артем, можно на минуту?

Мальчик остановился у порога, напрягшись, как струна.

- Твое последнее сочинение... о Печорине. Ты написал, что он «не злодей, а пленник обстоятельств, которые сам и создал, потому что других ему не предложили». Это очень сильная мысль. Откуда?

Артем пожал плечами, глядя куда-то мимо учителя, в окно, на голые ветки деревьев.

- Не знаю. Так показалось.

- Мне кажется, или у тебя самого сложные обстоятельства- Сергей Петрович говорил мягко, без давления. - Если тебе нужна помощь, просто знай - ты можешь ко мне обратиться. Всегда.

В глазах Артема на секунду мелькнуло что-то живое - искра благодарности, смешанной с паникой. *«Обратиться? И что? Рассказать про мать? Про то, что я дворник и выгульщик собак? Чтобы меня пожалели? Чтобы опека забрала в детдом, где будет еще хуже?»*

- У меня все нормально, Сергей Петрович, - его голос прозвучал плоским, обрубленным. - Спасибо. Мне надо идти.

Он развернулся и вышел, на ходу надевая на лицо привычную маску безразличия. Довестись взрослым было нельзя. Они либо делали вид, что не замечают проблемы, либо, заметив, начинали «спасать», ломая своим спасением все хрупкое равновесие, которое он с таким трудом выстроил.

Вечером его ждало главное испытание. Переступив порог квартиры, он попадал в другой мир. Атмосфера здесь была густой, липкой, как патока. Воздух был пропитан запахом дешевого табака, перегара, испарений от немытой посуды и чего-то еще - отчаяния, что ли.

Из комнаты доносился хриплый смех матери, приглушенный голос ее очередного «друга», громкая музыка. Иногда - ссора, звон разбитой посуды. Артем замирал в прихожей, как дикий зверь, оценивая обстановку. Его ритуал начинался тут же.

Шаг первый: *Беспристрастная оценка*. Быстро осмотреть кухню и коридор. Мать пьяна, но не агрессивна? Значит, можно пройти.

Шаг второй: *Бесплотное скольжение*. Снять обувь и на носках, не производя ни звука, прокрасться в свою крепость - бывшую кладовку. Щелкнуть засовом. Мир сжимался до двух квадратных метров благословенной тишины.

Шаг третий: *Изоляция*. Он доставал из-под кровати старую подушку, доставшуюся ему еще от отца. Она была плоской и почти не держала форму, но у нее было другое назначение. Артем садился на пол, скрестив ноги, прижимал ухо к подушке, а сверху накрывался ею, как капюшоном. Получался импровизированный барьер, глушивший пьяные крики и музыку. В этом коконе, при свете тусклой настольной лампы, он делал уроки. Формулы, правила, даты - все это он вбивал в себя через силу, сквозь дрему и желание просто рухнуть без сил.

И наконец, шаг четвертый, самый главный: *Проверка святыни*. Отложив тетрадь, он отодвигал комод и с помощью старой линейки аккуратно поддевал одну из половиц. Она с тихим скрипом отходила в сторону. Внутри, в пыльной нише, лежала его банка из-под кофе.

Он не всегда открывал ее. Чаще он просто брал в руки, ощущая ее вес. Это был не просто вес монет и купюр. Это был вес его трудовых дней. Каждая потраченная минута, каждый взмах метлы, каждый выгулянный пес, каждая разодранная о таксу штанина - все это было здесь, материализованное в деньгах. Это был его запасной выход. Его билет в другую жизнь. Его защита от всего мира.

Он сидел на полу в своей камере, прижимая к груди холодную жестяную банку, и слушал, как за тонкой дверью бушует хаос. Но его это больше не касалось. У него был свой мир. Маленький, тесный, пахнущий пылью и старым деревом, но его. И пока здесь лежала его казна, он был неуязвим. Он был королем в своем подпольном королевстве, отгороженном от адского шума всего лишь щеколдой и силой воли.

Глава 5: Предательство

Тот день начался с борьбы. Снегопад, начавшийся еще ночью, к утру превратился в настоящую снежную бурю. Белая пелена застилала глаза, сугробы по колено росли на глазах. Пред-рассветный холод пробирал до костей, отнимая последние силы. Уборка в двух дворах, которая обычно занимала два часа, растянулась на три с лишним. Он работал как одержимый, сгребая тяжелые пласты мокрого снега, его руки дрожали от напряжения, а спина горела огнем. Каждые полчаса он останавливался, чтобы отдышаться, и с тоской смотрел на светлеющее небо - он опаздывал.

Выгул собак в такую погоду превратился в хаос. Животные, не привыкшие к таким сугробам, путались в поводках, нервничали. Белка вцепилась в его варежку и порвала ее. Рекс, обычно спокойный, рванул за пролетающим воробьем, и Артем едва удержался на ногах, с трудом устояв в снегу. Он вернул всех собак хозяевам, измотанный и промокший до нитки, и чуть ли не бегом помчался домой, чтобы успеть перед школой.

Но дома его ждал не короткий отдых, а новый вид ада. Еще на лестничной площадке он услышал приглушенные удары басов, пьяные крики и смех. В квартире пахло дешевым алкоголем, сигаретами и потом. В гостиной, заполненной чужими людьми, кто-то танцевал, кто-то спорил, размахивая бутылкой. Мать, с растрепанными волосами и мутными глазами, сидела на кухне с новым ухажером, Виктором, и еще парой людей. Она что-то громко рассказывала, жестикулируя.

Артем проскользнул к себе в комнату, как призрак, надеясь, что его не заметят. Сердце бешено колотилось - не от бега, а от предчувствия. Ему нужно было убедиться. Сейчас же. Он с дрожащими руками отодвинул комод, уронив на пол учебник. Ему было все равно. Он судорожно поддел линейкой половицу.

Доска отошла с привычным тихим скрипом.

Пустота.

Сначала мозг отказался обрабатывать информацию. Он просто смотрел в пыльное, темное углубление в полу. Оно должно было быть заполнено свертками, аккуратно сложенными купюрами, звоном монет. Но там ничего не было. Чисто. Будто там никогда и ничего не лежало.

Он провел рукой по пустоте, как будто деньги могли быть невидимыми. Потом засунул руку внутрь, в отчаянной надежде нащупать хоть что-то в углу. Ничего. Только шершавая древесина и холодная пыль.

И тогда накатил волна. Не горячая, как гнев, а ледяная, пронизывающая до мурашек в душе. Волна абсолютной, животной паники. Все его труды, все эти месяцы вставания в три ночи, все эти замерзшие пальцы, усталость, сжимавшая виски, все эти укусы собак, все унижения - все это оказалось напрасным. Его будущее, его свобода, его спасение - все это кто-то взял и украл.

Он не помнил, как вышел из комнаты. Он стоял в дверном проеме, глядя на мать. Шум вокруг будто стих, превратившись в далекий, ненужный гул. Он видел только ее. Его лицо было белым, как тот снег, с которым он только что боролся.

Он подошел к столу. Его движения были неестественно медленными и точными.

- Где мои деньги? - его голос прозвучал тихо, но с такой металлической твердостью, что пьяный смех Виктора тут же оборвался.

Мать медленно перевела на него мутный взгляд, пытаясь сфокусироваться.

- Какие деньги? - она буркнула, отмахиваясь. - Иди поспи, чего ты разорался.

- Мои деньги, - повторил Артем, не повышая тона. Каждое слово было отчеканено из льда. - Которые были в моей комнате. В тайнике. Где они?

В ее глазах мелькнуло понимание, а затем - мгновенная, ядовитая агрессия. Она встала, пошатнувшись.

- Ах, эти деньги! - она фальшиво рассмеялась. - Ты про свою заначку? А я думала, ты, сынок, с мамой поделишься! А ты тут, выходит, жадина нашелся, все себе, любимому, прячешь! Мать одна, с горем справляется, а он деньги прячет!

- Их украл, - сказал Артем, глядя прямо на Виктора, который с самодовольной усмешкой разглядывал свои ногти.

- Никто ничего не крал! - взвизгнула мать. - Это твои деньги? Это мои деньги! Пока ты тут живешь, за квартиру платить надо, за свет, за еду! А ты что? Небось, все про себя! Так вот, с этого месяца платишь! Пять тысяч в месяц! Хочешь жить тут - плати, как все! Не хочешь - милости просим в детдом!

Она стояла, выставив вперед подбородок, ее искаженное злобой лицо было ему отвратительно и чуждо. Виктор одобритительно хмыкнул.

Артем смотрел на нее, и ледяная волна внутри начала кристаллизоваться. Паника уходила, сменяясь чем-то другим. Холодным, безжалостным знанием. Он все понял. Понял, что его предали не просто так, по пьяной лавочке. Его предали осознанно. Его кровь, его пот, его будущее - все это было обменяно на очередную порцию водки и расположение какого-то алкаша.

Он больше ничего не сказал. Он развернулся и пошел обратно в свою комнату. Он не хлопнул дверью. Он просто закрыл ее и шелкнул засовом. Снаружи снова поднялся пьяный гвалт.

Он сел на пол рядом с зияющей пустотой в полу и уставился в одну точку. Он не плакал. Слез не было. Была только пустота. Та самая пустота, что была в его тайнике. И тихий, едва родившийся шепот в глубине сознания: *«Война. Теперь это война»*.

Глава 6: Железный мальчик

Он не помнил, как оказался на улице. Дверь захлопнулась за ним, отсекая пьяный гогот, и он просто пошел. Ноги несли его сами, куда глаза глядят. Город, обычно такой привычный и подконтрольный в утренние часы, теперь казался чужим и враждебным. Огни витрин слепили, гул машин резал слух, а лица прохожих были размытыми пятнами. Внутри была пустота. Та самая, что осталась в тайнике под половицей. Глухая, зияющая, холодная.

Он дошел до пустыря на окраине своего микрорайона, где летом росли лопухи выше его роста, а теперь чернели голые ветки и лежали грязные комья снега. Здесь он остановился, прислонился к ржавому забору и, наконец, позволил телу дрогнуть. Его вырвало - горькой желчью и невыплаканными слезами. Слез не было. Были только сухие, болезненные спазмы, выворачивающие душу наизнанку. Он сжимал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. Он мог бы закричать. Упасть на колени и завывать от бессилия, как раненый зверь. Он мог бы пойти к Сергею Петровичу, к тому учителю, который смотрел на него с пониманием. Или в полицию. Но что он скажет? «Мой отчим украл мои нелегально заработанные деньги, а мама заставила меня платить за аренду комнаты»? Они пожмут плечами. Или, что хуже, начнут «разбираться». А итогом станет детский дом. Яма. Конец.

И тогда, стоя в сумерках на грязном пустыре, Артем совершил свой главный в жизни выбор. Он не сломался. Он пересобрал себя.

Это не было эмоциональным решением. Это был холодный, безжалостный акт воли. Он ощутил внутри себя некую ось, стержень, который не могли сломать ни голод, ни усталость, ни предательство. Он мысленно взял всю свою боль, всю ярость, все отчаяние, спрессовал их в тугой, тяжелый шар и... отложил в сторону. Он больше не мог позволить себе это чувствовать. Это была роскошь, которую он не мог себе позволить.

Его мысли заработали с четкостью механизма.

«Дом - это не семья. Это враждебная территория. Лагерь противника».

«Мать - не мать. Она - надзиратель. Сторож».

«Мечта „съехать когда-нибудь“ - это слабость. Новая цель - „Выжить и бежать“.
Конкретно. Неотвратно».

Деньги в его сознании мгновенно перестали быть просто средством, сбережениями на будущее. Они стали оружием. Боеприпасами в этой тихой, безжалостной войне, которую ему объявили. Каждый рубль - это патрон. Каждая тысяча - шаг к свободе.

Он поднял голову и окинул взглядом знакомый двор. Его взгляд упал на чугунный люк водостока, вмерзший в асфальт в самом дальнем углу, за гаражным кооперативом, куда никто не заглядывал. Край люка был отбит, образуя узкую щель между ним и асфальтом.

«Идеально».

Дождавшись глубокой ночи, когда в квартире воцарилась пьяная спячка, он вернулся. Он не спал. Он действовал. Взяв новую, жестяную коробку из-под леденцов, он завернул в нее свои скудные остатки - те деньги, что были в кармане. Завернул в непромокаемый пакет. И с тем же чувством, с каким когда-то отец учил его рыть окопы в игре, он отправился во двор и протолкнул коробку в щель под люком. Она мягко шлепнулась в грязь и талый снег. Теперь его казна была в безопасности. Ее не найти случайно. Ее не украсть.

На следующее утро он сел за свой стол и составил новый финансовый план. Он был еще более жестким, почти монашеским.

«Доход: уборка (200/300 в день) + выгул (5600 в неделю) + листовки (400 через день)
= ...»

«Расход: еда (максимум 100 руб/день), прочее (...). Остаток - 5000 матери. Сверх остатка - ВСЕ в тайник. Никаких исключений. Никаких слабостей».

Когда он вышел к завтраку, его лицо было каменной маской. Светлана, бледная, с трясущимися руками, пыталась что-то бормотать, оправдываться, может быть, даже извиняться. Он смотрел на нее, не видя. Он слышал ее слова, но они были просто шумом.

- В субботу я принесу первые пять тысяч, - сказал он ровным, лишенным всяких эмоций голосом. - За следующий месяц.

Она смотрела на него с каким-то новым, непонятным страхом. Он был уже не сыном, а арендатором. Деловым партнером. И в его холодных глазах она, возможно, впервые увидела свое будущее - одинокое и беспомощное.

Ровно в три ночи механизм внутри него сработал без сбоев. Он поднялся с постели. Движения были выверенными, автоматическими. Умыться. Одеться. Взять инструменты. Он вышел из квартиры, не оглядываясь на дверь материнской комнаты.

На улице падал мелкий, колющий снег. Он вышел во двор. Его двор. Воздух был чист и морозен. Он взял в руки лом, чтобы колоть лед на тротуарах. Первый удар. Звонкий, уверенный. Лед треснул.

Он смотрел на просыпающийся двор, на темные окна, за которыми текли свои, незнакомые ему жизни. Его лицо ничего не выражало. Ни усталости, ни обиды, ни гнева. Только непробиваемая решимость.

«Они отняли мои деньги, но не смогли отнять мой двор. Они отняли мать, но не смогли отнять мою волю. Они отняли детство, но не смогли отнять мое будущее».

Он занес лом для нового удара, и в его сознании, холодное и ясное, как этот утренний воздух, родилась мысль, ставшая итогом всего и началом нового пути:

«Двор был моим. И скоро таким станет весь мир».

Часть 2. "Игры разума"

Глава 7: Крепость

Первым порывом, от которого сводило челюсти и сжималось сердце в тугой, болезненный комок, была ярость. Чистая, животная, требующая немедленного разряда. Взорвать дверь в материнскую комнату, впиться в глотку Виктору, вытрясти из него свои кровные, вышибить зубы, стереть с его лица эту мерзкую, самодовольную ухмылку. Он представлял себе это в мельчайших деталях: хруст хряща, хрип, алые брызги на обоях.

Но он сидел на своей кровати в бывшей кладовке, сжав кулаки, и дышал медленно и глубоко, как учился делать в самые тяжелые моменты на уборке, когда казалось, что силы на исходе. Ярость была роскошью. Она делала тебя слепым, нерациональным, уязвимым. Конфронтация была ловушкой. В открытом бою против двоих, где один из противников - его же мать, у него не было шансов. Его оружием был не кулак, а мозг. Его тактикой - не штурм, а стратегия.

Он мысленно отодвинул образы насилия, как отодвигают шахматную фигуру, проигравшую ход. Нужно было укреплять тылы. Защищать свою территорию. Его комната была его последним рубежом, и он был уязвим, как карточный домик. Старая фанера с защелкой не могла остановить даже пьяного любопытства, не то, что целенаправленного воровства.

Идею подсказало объявление, выцветшее на доске объявлений у подъезда: «Продам дверь железную, б/у, недорого». Он позвонил, договорился о встрече. Дверь была старой, с пятнами ржавчины и слоями облупившейся краски, но тяжелой, монолитной, с мощным стальным коробом. Он отдал за нее почти все, что оставалось после очередного «взноса» за комнату. Тащил ее через весь двор по частям, чувствуя, как горят мышцы. Это была не покупка. Это была инвестиция в безопасность.

Следующей задачей была установка. Он пошел в гаражный кооператив, нашел того, кого все звали «дядя Вася» - бородатого, вечно перепачканного машинным маслом слесаря с умными, уставшими глазами. Артем не стал рассказывать правду. Правда вызывала жалость, а жалость была унижительна. Он сочинил историю, глядя дяде Васе прямо в глаза.

- В районе появились хулиганы, - сказал он ровным тоном. - Лазят по квартирам. К соседу вчера залезли. Мать одна, боится. Нужно поставить нормальную дверь.

Дядя Вася смотрел на него, на его серьезное, не по годам взрослое лицо, на синяки под глазами от недосыпа. Он что-то понимал. Возможно, понимал даже больше, чем хотел бы. Он вытер руки о промасленную ветошь и прищурился.

- Воры, говоришь? - переспросил он, и в его голосе зазвучал скептицизм старого волка. - А почему тогда не входную меняешь, а дверь в комнату? Так не бывает. От бандитов крепят вход, а не свою берлогу.

Артем не дрогнул. Он ожидал этого вопроса.

- Денег пока хватило только на одну, да и ту б/у, - ответил он, глядя прямо в глаза слесарю. - Как накопим ещё - сделаем и входную. Сейчас важнее - чтобы у матери хоть одна комната была как крепость.

Дядя Вася обвёл взглядом прихожую. Его опытный нос, привыкший к запахам машинного масла и металла, сразу уловил другие, знакомые и грустные ароматы: застоявшийся воздух, немытая посуда, лёгкий шлейф дешёвого алкоголя и безнадёги. «Неблагополучные», - констатировал он про себя. И тут же задал себе следующий, логичный вопрос: а что тут, собственно, красть? Зачем в такой квартире, где, казалось бы, и дверь-то воровать нечего, ставить бронированную дверь в комнату? Его взгляд скользнул по лицу парнишки, по его неестественно прямой спине, и в голове сложилась другая картинка. Не воры снаружи. Враги внутри.

Раздел территории. Такое он видел - когда наследство делили или после разводов, когда люди в одной квартире жили, как в окопах.

- Мать-то твоя согласна? - хрипло спросил он уже без прежней суровости, а с какой-то тяжелой догадкой.

- Согласна, - без тени сомнения солгал Артем, чувствуя, как напряглись его собственные мышцы. - Но ей некогда, она на работе, как раз зарабатывает на вторую дверь. Я пока всем занимаюсь.

Дядя Вася медленно кивнул. Он не спросил, откуда у пацана деньги на дверь. Не спросил, почему всем занимается он, а не взрослые. В его молчаливом кивке было понимание, которое не требовало лишних слов. Он видел перед собой не клиента, а бойца, укрепляющего свой последний рубеж.

- Ладно, - буркнул он, отворачиваясь к своим инструментам, давая парню сохранить лицо. - За монтаж - будешь мне должен ящик пива. Не самого дешевого. Балтика, не меньше. И в подмогу позови кого покрепче.

Установка заняла несколько часов. Артем работал молча, подавая инструменты, придерживая тяжелую конструкцию. Когда дверь встала на место, он ощутил не радость, а глубокое, холодное удовлетворение. Он провел рукой по шершавой, холодной поверхности. Теперь у него был свой контур, своя граница.

Момент истины наступил вечером. Он вернулся после выгула собак и раздачи листовок. Подойдя к своей двери, он замер. Вокруг старого, пока еще простого замка, на свежей краске виднелись свежие, глубокие царапины. Кто-то пытался его вскрыть. Поддеть отверткой. Скорее всего, Виктор. Возможно, с молчаливого одобрения Светланы.

Внутри него ничего не дрогнуло. Не вспыхнула та самая, первоначальная ярость. Напротив, его охватило странное, леденящее спокойствие. Он не удивился. Это было логично. Это было предсказуемо. Это лишь подтверждало его картину мира: его территория была под осадой, и враг не дремлет. Он потрогал царапины подушечками пальцев, как полководец, изучающий карту перед решающим сражением.

На следующий день он отправился в первую попавшуюся фирму, занимавшуюся дверьми. Он не выбирал, не сравнивал цены, не торговался. Его цель была конкретна: абсолютная, непробиваемая защита. Его взгляд скользнул по каталогу и без колебаний остановился на самой дорогой модели - двери с бронированным листом, противосъемными ригелями и сувальдным замком, который, как гласила реклама, был «неподвластен отмычкам». Логика была железной: хранить деньги в люке - это лишь отодвигать риск. Нервы, которые он тратил бы на постоянные проверки тайника, на страх быть ограбленным снова, стоили дороже. Ему нужно было не усложнение системы, а её упрощение через абсолютную надёжность. Он хотел спать спокойно.

- Мне эту, - сказал он, тыча пальцем в изображение, когда к нему подошёл молодой консультант в слишком наглаженной рубашке.

Консультант, ожидавший увидеть взрослого мужчину, а не подростка в поношенной куртке, смутился.

- Эм... парень, а где твои родители? Это довольно серьёзная покупка.

Артем посмотрел на него тем же ледяным, оценивающим взглядом, каким когда-то смотрел на председательниц ТСЖ.

- Они на работе. Поручили мне выбрать и установить. Не переживайте, - его голос звучал плоско и безапелляционно. - У меня есть деньги. Полная сумма. Наличными.

Последняя фраза была сказана чуть тише, но с такой уверенностью, что сомнения консультанта начали таять, уступая место желанию закрыть сделку.

- Хорошо... - протянул он, листая каталог. - установка выйдет в 7 тысяч...

В обычный день эта цифра вызвала бы у Артема резкую, физическую боль где-то под рёбрами. Семь тысяч - это горы снега, выгребанные лопатой, это бесконечные круги с собаками, это месяцы жёсткой экономии на еде. Но сейчас в его груди не было укола сожаления. Была лишь холодная, стальная решимость. Он был готов отдать и в два раза больше. Это была не трата, а стратегическое вложение в свою безопасность и душевное спокойствие. Цена его страха оказалась куда выше.

- Договорились. Устанавливайте как можно быстрее.

Когда новая дверь, массивная, с матовым покрытием «металлик» и внушительной личинкой замка, похожей на глаз циклопа, заняла своё место в проёме его комнаты, Артем понял, что это была не просто замена одной панели на другую. Это была декларация независимости. Акт окончательной сепарации. Глухой, герметичный щелчок замка прозвучал как приговор старой жизни и как манифест новой. Он отгородился не от гипотетических воров, а от хаоса, предательства и боли, что царили по ту сторону. Теперь у него была граница. Незыблемая и полностью под его контролем.

Он закрыл дверь. Глухой, герметичный щелчок замка прозвучал как приговор. Он отгородился не от гипотетических хулиганов. Он отгородился от них. От ее пьяных слез, от его воровских рук, от их общего, убогого хаоса.

Он стоял в своей комнате, в полной тишине, и понимал, что стена выросла не только здесь, между ним и остальной квартирой. Она выросла в его душе. Она была сложена из предательства, из украденных денег, из царапин на замке и из холодной стали новой двери. И он знал - эту стену уже никто и никогда не проломит.

Глава 8: Случайная находка

Отвращение накапливалось постепенно, слой за слоем, как грязь на невымытых полах. Сначала это была легкая брезгливость, потом - раздражение, а теперь - настоящий, физический спазм в горле каждый раз, когда он заходил на кухню. Это было не просто неудобно. Это было опасно. В углах шевелились тараканы, на столе неделями стояли объедки, покрытые липкой пленкой, а в раковине груды грязной посуды источали кислый, тошнотворный запах. Это был фронт его личной войны, который он до сих пор игнорировал, отступая в свою стерильную крепость. Но терпеть было больше нельзя. Это был вызов, брошенный ему лично - его стремлению к порядку, его воле, его существованию.

Выбрав момент, когда Светлана и Виктор отправились в магазин за новой порцией «продуктов», он объявил тотальную зачистку. Это не была уборка. Это был военный штурм. Он надел резиновые перчатки, нашел под раковиной едкий раствор хлорки, развел его в тазу и двинулся в атаку.

Он выбросил в мусорный пакет все, что не подлежало спасению: заплесневелые корки, пустые пачки от сигарет, смятые банки. Со скрежетом отдирает от столешницы засохшие пятна непонятного происхождения. Счищает губкой с абразивом жир с плиты. Каждый выброшенный пакет, каждый блестящий после уборки квадратный сантиметр поверхности был его победой. Он не просто мыл. Он изгонял хаос. Он проводил дезинфекцию не только кухни, но и своего пространства, своей жизни.

И вот, когда он вытирал последний ящик, из-под него выскользнул и упал на пол смятый, засаленный листок из школьной тетради в клетку. Он автоматически поднял его, чтобы выбросить, и его взгляд скользнул по написанному. И замер.

На листке, в испачканном рыбой и каким-то соусом углу, аккуратным, округлым почерком была решена алгебраическая задача. Уравнение. И это уравнение он узнал. Оно было в

домашнем задании, которое они проходили на прошлой неделе. Тот самый сложный пример с параметром, над которым он сидел полчаса.

Первой мыслью, быстрой и обжигающей, было предательство. *Мать. Она таскает мои тетради на кухню, рвет листы, подтирается ими.* Ярость, которую он так тщательно в себе подавлял, на секунду ослепила его. Он швырнул тряпку, с размаху распахнул свою бронированную дверь и ринулся к своему архиву - стопке аккуратно подписанных и расставленных по порядку тетрадей. Он лихорадочно перебирал их, проверяя страницы. Все было на месте.

Тогда он вернулся на кухню, поднял с пола злополучный листок и начал изучать его с холодным, детективным вниманием. Почерк. Это был не его угловатый, торопливый почерк. И не корявые каракули матери. Это был очень аккуратный, даже красивый, явно девичий почерк. Буквы были округлыми, с легким наклоном, задачи оформлены безупречно, с отступами, подчеркиваниями. Чужая тетрадь. В их доме лежал листок из чужой, явно школьной тетради.

Расследование началось немедленно. Он не откладывал. Он положил листок на чистый, только что вымытый стол и стал ждать. Он сидел на стуле, неподвижный, как часовой, и ждал возвращения «хозяев». В руке он сжимал вещественное доказательство.

Ключ щелкнул в замке, и они ввалились в прихожую, громкие, довольные, с пахнущими из пакета бутылками. Их веселье оборвалось, когда они увидели его. Он сидел за кухонным столом в неестественно чистом, почти сияющем помещении. И на столе перед ним лежал тот самый листок.

- Что тут у нас? Музей чистоты? - сипло рассмеялся Виктор.

Артем не удостоил его взглядом. Он смотрел на мать.

- Чей это? - его голос прозвучал ровно, без эмоций.

Светлана с пьяной тупостью уставилась на листок.

- Ой, брось ты эту дрянь, нашлась тетрадка... Иди уже...

- Это не моя тетрадь, - отрезал Артем. Он повернулся к Виктору. - Чье?

Виктор, почувствовав неладное, нахмурился. Его ухмылка сползла с лица. Он пытался сохранить маску безразличия, но в глазах читалась тревога.

- Какая разница? Выбрось и все.

- Разница есть, - Артем не повышал тона, но каждое его слово било точно в цель. - В моем доме лежит чужая вещь. Я хочу знать, чья.

Напряжение нарастало. Чистота кухни, молчаливая ярость Артема и этот нелепый, испачканный листок - все это создавало невыносимую атмосферу.

- Да Каткина это, моей дочери! - вдруг рявкнул Виктор, не выдержав. - Рыбу заворачивал, наверное. Выбрось уже, заладил!

Артем медленно поднял листок, как будто это была не бумажка, а вещдок.

Каткина. Дочь Виктора.

Он кивнул, коротко и деловито, словно получил исчерпывающий отчет. Не говоря больше ни слова, он встал, прошел в свою комнату и снова закрыл свою бронированную дверь. Но на этот раз он не просто отгораживался от хаоса. Теперь у него была информация. Ценная информация. И он уже знал, что будет с ней делать.

Глава 9: Бизнес-план «Под ключ»

Адрес Екатерины он вычислил с детективной точностью. Через пару дней наблюдений он установил, где и когда Виктор появляется и исчезает, и с помощью всезнающих дворовых бабулек выяснил район. Оставалось лишь найти фамилию в домофоне. Это оказалось проще простого - «Н. К. В.», скорее всего, Новиковы. Он нажал кнопку.

- Кто? - голос в трубке был молодой, женский и настороженный.

- Артем. Мне нужно обсудить с вами одну тетрадь по алгебре.

Пауза. Щелчок замка.

Двор был действительно чище, дома - панельные, но свежеекрашенные. Он поднялся на нужный этаж. Дверь открыла девушка, почти ровесница, но казавшаяся старше из-за собранных в тугой хвост волос и умных, пронзительных глаз, в которых читалась усталость, похожая на его собственную. Она смотрела на него с немим вопросом.

Артем не стал тянуть. Он достал из внутреннего кармана куртки тот самый, засаленный листок, аккуратно расправленный.

- Я нашел твою тетрадь. У Виктора, - он произнес имя без эмоций, как констатацию факта. - Я знаю, ты отличница. Предлагаю взаимовыгодное сотрудничество.

Катя взяла листок, и на ее лице промелькнула гримаса брезгливости и досады.

- Спасибо, что вернул, - она попыталась закрыть дверь.

- Подожди, - он мягко, но настойчиво уперся рукой в дверное полотно. - Я не прошу денег. Я хочу их тебе заплатить.

Она замерла, ошеломленная.

- Мне нужен твой архив. Тетради за седьмой и восьмой класс. Математика, физика, русский. Все, что есть. Я куплю их у тебя. Здесь и сейчас. - Он достал из того же кармана пачку купюр, отсчитал несколько хрустящих тысяч - сумму, за которую она, вероятно, переписывала бы эти тетради полгода. - Это аванс. Если материал качественный, будут еще заказы.

Катя смотрела то на деньги, то на его лицо. Она искала подвох, насмешку, но видела лишь холодную, деловую серьезность. Она была дочерью алкоголика и узнавала в нем ту же породу - породу выживальщиков, людей, которые рано научились считать и никому не доверять.

- Зачем тебе мои старые тетради? - спросила она тихо.

- Чтобы продавать готовые домашние задания. Одноклассникам. - Он сказал это прямо, без тени стыда. - Это бизнес. Ты - производитель качественного контента. Я - отдел продаж и маркетинга.

Она медленно кивнула. В ее глазах что-то щелкнуло - понимание, уважение, может, даже облегчение, что нашлась родственная душа в этом абсурдном мире.

- Ладно, - сказала она. - Заходи.

Сделка была заключена. Через десять минут он вышел от нее с стопкой аккуратных, исписанных тем же красивым почерком тетрадей. Его стартовый капитал был пополнен новым, бесценным активом - знанием.

Вернувшись в свою крепость, он начал систематизацию. Его старый, потрепанный кнопочный телефон с камерой стал сканером. Он фотографировал каждую решенную задачу, каждое упражнение. Создал в памяти телефона сложную систему папок: «Класс 6А - Алгебра», «7Б - Геометрия», «Русский - Сочинения». Это был его цифровой арсенал.

На следующий день в школе он запустил пилотный проект. Во время большой перемены, подойдя к куче одноклассников, столпившихся у окна и в панике листавших учебник геометрии, он сказал без предисловий:

- Домашку по геометрии и остальным предметам могу дать за 50 рублей. Сейчас скину решение на телефон.

В воздухе повисла секунда непонимания, а затем его окутали хохотом и едкими комментариями.

- Ой, да ну тебя, Артем! - фыркнул Витя, местный заводила и троечник. - Тебе бы сначала самому научиться их решать! Сам же у Максима вчера списывал, я видел!

- Время поменялось, - парировал Артем, не повышая голоса, но и не отводя взгляда. - Теперь у меня будут ответы на все задачи. Цену я сказал. Кто хочет - обращайтесь.

Он произнес это с такой непривычной деловой холодностью, что смех поутих, сменившись недоуменным бормотанием. В его тоне не было бравады - только констатация факта. Он видел, как в глазах некоторых, особенно у тех, кто сидел на мели с уроками, мелькнула искра интереса, тут же задавленная недоверием. Он не стал ничего доказывать. Просто развернулся и ушел, оставив за спиной гул обсуждений. Семя было брошено в благодатную почву лени и отчаяния.

С этого дня он начал свою «резкую трансформацию». Он перестал быть серой мышкой на задней парте. На геометрии, когда учительница в очередной раз искала жертву у доски для особо злобной задачи, его рука взмыла вверх первой. Он вышел и решил ее с пугающей легкостью, коротко и ясно объяснив ход мыслей. Учительница, Анна Петровна, замерла с мелом в руке, ее лицо отражало чистейшее изумление. «Вот видите, коллеги? - будто говорил ее взгляд. - И из самого безнадёжного алмаза можно высечь огранку!» Одноклассники перешептывались, тыча пальцами. Слух о том, что Артем «взялся за ум» или «нашел дорогого репетитора», разнесся по школе со скоростью лесного пожара. Никто, конечно, не догадывался, что репетитором был цифровой архив Кати, чьи безупречные решения он теперь выдавал за свои.

Переломный момент наступил после уроков. К нему подошел Сашка Грошев, хронический двоечник, которого на следующий день обещали тащить к директору с родителями, если он вновь не сдаст домашнюю работу.

- Артем, - буркнул Сашка, озираясь по сторонам. - На сегодня домашка есть?

Артем почувствовал, как сердце екнуло и забилось чаще. Первый клиент. Первая сделка. Облажаться было нельзя.

- Да, - ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - Условия знаешь. Деньги - решения.

- Ну, смотри... - Сашка наклонился ближе, и от него пахло школьной столовой и страхом. - Если обманешь или там фигню какую-то пришьлешь... Я тебе спокойно жить не дам. Понял?

Артем кивнул, глотая сухость во рту. Сашка сунул ему в руку смятую сторублевую купюру. Артем автоматически полез в карман за сдачей и понял, что у него только мелочь, которой не хватит. Паника на секунду сжала горло. Показать слабость, сказать «подожди, разменяю» - значило потерять лицо, разрушить образ надежного поставщика.

Он поднял глаза на Сашку, лицо его было каменным.

- Это будет на два дня, - сказал он ровно, глядя куда-то в пространство над плечом одноклассника. - Сдачи нет.

Внутри все оборвалось. Он ждал взрыва, угроз, требования вернуть деньги. Но Сашка, увидев его непоколебимость, притворную, но такую убедительную, ишь хмыкнул.

- Без проблем. Главное, чтобы к директору не вызвали после твоих «решений».

Артем молча достал телефон, нашел в памяти нужные фотографии и отправил их Сашке. Тот, щурясь, стал листать, сравнивая со своим заданием. Он не понимал хода решения, ему было важно лишь точное совпадение цифр и формул. Удовлетворенно хмыкнув, он потопал переписывать.

На следующий день случился фурор. Сашка Грошев не просто вышел к доске - он бойко, пусть и запинаясь, объяснил решение! Анна Петровна была в шоке. «Вот видишь, Александр, можешь же, когда захочешь!» - похвалила она, а Сашка сиял, как медный грош. Одноклассники, наблюдавшие эту метаморфозу, мгновенно сложили два и два. Слух стал конкретным и неотразимым: «У Артема есть ВСЕ ответы. И они РАБОТАЮТ».

После последнего звонка к нему подошли сразу трое. Потом еще двое, стесняясь, присоединились к группе. Кто-то из параллельного класса, прослышав про чудо, поймал его в коридоре. Некоторые, особенно девочки, стеснялись подойти лично. Вечером его старый телефон начал дрожать от сообщений в соцсетях: «Артем, привет, это Лена из 7Б, слышала, ты помогаешь с алгеброй...», «Скинь, пожалуйста, историю, горю!». Просьбы, мольбы, вопросы о цене. К семи часам вечера он свел концы с концами и ахнул: набралось 18 заказов. Восемнадцать человек готовы были заплатить ему за то, что когда-то было его собственной каторгой.

Он сидел в своей комнате, глядя на список имен и предметов в блокноте, и чувствовал не усталость, а странное, холодное возбуждение азартного игрока, который только что поставил на кон все и выиграл первую, самую важную партию. Бизнес был запущен.

Он не паниковал. Он превратил свою комнату в штаб-квартиру. На столе лежал распечатанный лист с именами и предметами. Телефон был на зарядке. Он работал как диспетчер такси: принимал заказ («Вася, физика, номера 125-128»), находил в памяти телефона нужные фотографии, отправлял их на указанный номер, ставил галочку в списке и тут же принимал следующий вызов. Его пальцы летали по клавишам, мозг обрабатывал информацию со скоростью компьютера. В его голове не было места усталости или сомнениям. Был только четкий, отлаженный бизнес-процесс.

Когда последняя задача была отправлена, он откинулся на спинку стула. На столе перед ним лежала стопка мелких купюр и монет - 900 рублей. За один вечер. Без метлы, без снега, без собачьих укусов. Путем чистой интеллектуальной аренды.

Он посмотрел на свой телефон, на этот старый, потрепанный аппарат, который стал его оружием, его складом, его кассовым аппаратом. Это был уже не просто способ выживания. Это был его первый по-настоящему умный бизнес. И он понимал - это только начало.

Глава 10: Стратегический альянс

Система работала как швейцарские часы, пока не столкнулась с новой, творческой программой по литературе. Задание было сложным, нешаблонным: анализ символики в только что разобранном стихотворении, которого не было в старых тетрадях Кати. Артем просидел над ним час, чувствуя, как драгоценное время, а с ним и потенциальная прибыль, утекают сквозь пальцы. Он мог бы отказать клиенту, но это бросало тень на его репутацию безотказного поставщика решений. Импровизировать и писать самому он не мог - его собственный стиль был сухим и лаконичным, и учительница сразу бы заподозрила неладное.

Три заказа на один и тот же сложный анализ стихотворения Тютчева. Артем уставился на строчки в учебнике, как на шифр с другой планеты. Его собственные мысли были сухими и прагматичными, а здесь требовалось что-то про «ликующую стихию» и «первозданный хаос». Час попыток выдавить из себя хоть что-то связанное ушел впустую. Терялось не только время - терялись деньги и, что важнее, репутация. Он не мог позволить себе отказать. Импровизировать было нельзя - его собственный стиль учительница раскусила бы за секунду.

Стиснув зубы, он набрал номер Кати. Гудки прозвучали мучительно долго. Наконец, щелчок.

- Алло? - её голос, обычно ровный, сейчас звучал отстранённо и настороженно.

- Катя, привет. Есть задание. Срочное, - Артем сразу перешёл к делу, без предисловий. - Стихотворение Тютчева «Весенняя гроза». Нужен глубокий анализ символики. В твоих архивах такого нет.

На другом конце повисла пауза. Он слышал, как она переводит дыхание.

- Я не... Тютчева я проходила давно. Это не совсем моё, - наконец сказала она, и в голосе послышалась нерешительность.

Артем перебил её, не давая раздумывать. Он знал её слабое место. Не сентиментальность, а ту же самую, что и у него, жёсткую необходимость.

- Пятьдесят процентов от прибыли. Сейчас. На кону три одинаковых заказа. Каждый по сто рублей. Твоя доля - полтора часа за час работы. - Он сделал секундную паузу для веса. - Два часа максимум. Иначе я ищу другого.

Он не говорил «пожалуйста». Он предлагал сделку. Чистую, выгодную, без эмоций.

Тишина в трубке стала плотной, почти осязаемой. Он представлял её: сидит в своей комнате, такой же пустой и тихой, как когда-то была его, глядит на свой ноутбук и считает. Ей тоже нужны были деньги. На еду, на тетради, на свободу от этого города и своего отца. Он слышал её ровное, чуть учащённое дыхание. Она считала.

- Скидывай точное задание, - наконец сказала она, и в голосе появился знакомый стальной оттенок деловитости. - Через час вышлю.

- Отсчёт пошёл, - коротко бросил Артем и сбросил фотографию задания.

Следующие шестьдесят минут он провёл в лихорадочной активности, обрабатывая другие заказы, но краем сознания постоянно сверяясь со временем. Он не сомневался, что она уложится. В Кате он видел того же бойца, что и в себе. Ровно через час телефон коротко вибрировал.

Он открыл сообщение. Не одно, а три. Три фотографии, на каждой - исписанный лист тем самым каллиграфическим, безупречным почерком. Он пробежал глазами по тексту. Это был шедевр. Не просто пересказ, а глубокая, выверенная работа, с тонкими наблюдениями, цитатами и безукоризненной структурой. И что самое гениальное - суть в трёх вариантах была одна, но формулировки, порядок мыслей, даже примеры отличались. Клиенты могли сдать работы, не опасаясь обвинения в списывании друг у друга. Она не просто выполнила задание. Она создала продукт. Упаковала его.

Он смотрел на эти три идеальных листа и чувствовал нечто большее, чем удовлетворение от закрытой сделки. Это был момент абсолютного взаимопонимания. Они были разными - он, грубый и прагматичный, она, тонкая и глубокая. Но они говорили на одном языке - языке выживания, расчёта и безупречного результата. И где-то в глубине души, под слоями деловитости, в нём шевельнулось зарождающееся уважение. Она была не просто «поставщиком». Она была гением в своём деле. А он умел ценить гениальность.

Так родился стратегический альянс. Артем стал менеджером по продажам и маркетингу. Он находил клиентов, вел переговоры, принимал платежи и определял приоритеты. Катя стала главным разработчиком и аналитиком. Она была мозговым центром, фабрикой решений, гарантом качества. Их общение свелось к коротким, деловым звонкам и переписке: «Срочно, геометрия, 9 класс», «Прибыль 120, твоя 60, переведу завтра».

Но вскоре их деловые отношения начали обрастать новой, неожиданной тканью - человеческой. Однажды вечером, когда за стеной его комнаты начался привычный ад - пьяные крики

матери, грохот музыки, - он в ярости собрал рюкзак с учебниками и тетрадями. Ему нужно было уйти. Куда? Единственное место, где его не спросят лишних вопросов.

Он пришел к Кате без звонка. Она открыла дверь, увидела его помятое, уставшее лицо и молча впустила. В ее квартире было тихо, чисто и пахло чаем с бергамотом. Ее отец, Виктор, по счастью, отсутствовал.

- Мешаю? - спросил он, оставаясь в прихожей.

- Садись, - коротко сказала она, указывая на стол на кухне. - Как раз русский разбираю.

Они сидели за одним столом. Он сортировал заказы на своем телефоне, она решала новые задачи. Они не разговаривали. Но в этой тишине не было неловкости. Она была наполнена пониманием. Он видел, как она время от времени вздрагивает от громкого хлопка лифта в подъезде, и понимал, что она, как и он, всегда настороже, всегда ждет подвоха от жизни. Она видела, как он инстинктивно съеживается, когда за окном слишком громко сигналила машина, и догадывалась, что это - отголосок каких-то его домашних баталий.

Он принес пачку печенья. Она заваривала ему чай, когда видел, что он засыпает над учебником. Иногда, очень редко, они разговаривали. Не о бизнесе.

- Твой отец... - как-то осторожно начала она.

- Погиб, - оборвал он, не поднимая головы от телефона.

- А мой... - она вздохнула, - просто живой труп.

Больше они на эту тему не говорили. Этого было достаточно. Между ними возникла неуловимая, но прочная связь. Они были двумя капитанами на разных тонущих кораблях, которые впервые за долгое время нашли друг в друге того, кто не спрашивает «почему ты мокрый?», а просто молча подает руку, чтобы помочь откачать воду.

Домашние вечеринки матери теперь обрели для Артема странную, извращенную позитивную сторону. Они стали сигналом к тому, чтобы уйти в «офис». К Кате. В тишину, в порядок, в общество человека, который понимал его без слов. Они делились не только прибылью. Они делились редкими, драгоценными минутами нормальной, почти домашней обстановки. И в этих минутах, в тихом шелесте страниц и щелчке клавиш телефона, рождалось нечто большее, чем бизнес-партнерство. Рождалось доверие. А где доверие, там, пусть робко и незаметно, всегда проклевывается первый росток чего-то теплого, что когда-нибудь могло бы назваться дружбой. А может, и чем-то большим.

Глава 11: Цифровая крепость

Наличные, даже спрятанные в надежном тайнике, стали его новой головной болью. Пачки купюр были физическим воплощением его успеха, но они же были его ахиллесовой пятой - их можно было украсть, они обесценивались, лежа мертвым грузом, а постоянное снятие процентов с дохода Кати в виде мелочи превращалось в логистический кошмар. Мир двигался в цифру, и Артем решил двигаться вместе с ним.

Он зарегистрировался в одном из популярных онлайн-кошельков, предлагавших анонимные платежи. Процесс был простым, не требующим подтверждения личности для небольших сумм. Это казалось идеальным решением. Он перевел на новый виртуальный счет первую крупную сумму - десять тысяч рублей. Целый месяц он чувствовал странное облегчение, глядя на цифры на экране своего телефона. Деньги были в безопасности, они не пахли, не занимали места, и он мог в любой момент получить к ним доступ.

Ровно через месяц он попытался зайти в приложение. На экране красовалась сухая, безличная надпись: «Ваш кошелек заблокирован за подозрительную деятельность. Для разблокировки обратитесь в службу поддержки».

Первой реакцией был шок, похожий на удар током. Та же леденящая пустота в желудке, что и при виде разграбленного тайника под половицей. «Украл. Снова украл». Паника, густая

и слепая, сжала горло. Десять тысяч! Это были не просто деньги, это были часы его жизни, отданные за метлу и поводки, это была его доля в совместном бизнесе с Катей.

Но на сей раз ярость не накатила. Вместо нее включился холодный, безжалостный аналитический аппарат его разума. Он не стал звонить в поддержку - его бы засыпали вопросами, на которые у него не было легальных ответов. Вместо этого он сел за свой ноутбук. Он гуглил. «Кошелек заблокирован подозрительная деятельность», «как разблокировать QIWI», «отзывы о блокировках». Он продирался через форумы, читая истории таких же, как он, мелких предпринимателей, фрилансеров, людей, чьи финансовые потоки казались системе «подозрительными». И везде сквозила одна и та же мысль: система ненадежна. Она может в любой момент отнять все, не объясняя причин.

И вот, читая очередной горький комментарий, он наткнулся на фразу, которая стала для него откровением, финансовой заповедью, высеченной в камне: **«Не храни все яйца в одной корзине»**.

Это было проще и гениальнее любой формулы. Риск нужно было не избегать, а распределять.

Так началось строительство его «финансовой пирамиды безопасности» - сложной, многоуровневой системы, призванной защитить его активы от любого мыслимого риска.

Уровень 1: Наличные.

Он не отказался от них полностью. Это был его оперативный резерв. Но теперь он хранил лишь минимум для текущих расходов на неделю. Тайник стал сложнее - не просто под половицей, а в полости за розеткой, которую он аккуратно модифицировал. Быстрая, но ограниченная ликвидность.

Уровень 2: Онлайн-банки.

Он извлек урок. Вместо одного кошелька он зарегистрировался в четырех разных платежных системах. В каждом он держал разную сумму. Самую маленькую - для ежедневных операций с Катей и клиентами. Побольше - для накоплений. Он научился имитировать поведение «нормального» пользователя: делал небольшие переводы самому себе между кошельками, оплачивал мобильную связь, иногда покупал что-то в онлайн-магазинах. Он создавал цифровой шум, чтобы скрыть свои реальные финансовые потоки.

Уровень 3: Иностранная валюта.

Изучая экономику, он наткнулся на понятие инфляции. Деньги под матрасом тают, как весенний снег. Ему нужен был актив, который если и не растет, то хотя бы не обесценивается. Доллар. Евро. Он нашел онлайн-обменники с лучшим курсом и перевел в них почти треть своих накоплений. Мысль о том, что его деньги теперь привязаны к чему-то глобальному, давала ему ощущение невероятной стабильности. *«Деньги должны работать, даже когда спишь»*, - заключил он.

Уровень 4: Криптовалюта.

Биткоин. Для него это была настоящая цифровая граница. Он потратил недели, погружаясь в статьи о блокчейне, майнинге, приватных ключах и волатильности. Это был дикий, нерегулируемый рынок, полный мошенников и авантюристов. И одновременно - невероятных возможностей. Он открыл кошелек, записал сид-фразу на том же листке, где когда-то вел учет своим первым заработкам, и перевел туда небольшую, но значимую сумму. Самый рискованный актив. Он назвал его «Фондом будущего». Потому что будущее, как верил Артем, было за цифрой.

Проблему возраста он решал с той же находчивостью. Он нашел в материнских закромах старый, просроченный паспорт деда. Данных было достаточно для регистрации в некоторых сервисах. Он учился быть тенью не только в физическом мире, но и в цифровом. Его личность дробилась на десятки аккаунтов, кошельков, профилей. Он был везде и нигде.

Сидя перед монитором, наблюдая за курсами валют и балансами на своих многочисленных счетах, он чувствовал то же, что и в своем дворе на рассвете. Контроль. Абсолютный контроль над своей маленькой, но стремительно растущей финансовой империей. Он построил цифровую крепость. И на этот раз у ее стен не было шансов у тех, кто хотел его ограбить.

Часть 3. "Разрубая узлы"

Глава 12: Груз прошлого

Годы, отсчитываемые не днями рождения, а суммой на счетах, шли. Но жизнь для Артема не превратилась в рутину. Он превратил её в высокоэффективный механизм, где у каждого действия был чёткий коэффициент полезного действия и цена. Взмах метлы - это не просто движение, это 10 копеек чистой прибыли. Каждое подметённое пятно масла на асфальте, каждая убранная сосулька - это конкретный вклад в его будущее. Он научился работать не просто усердно, а умно. Изучил планировку своих дворов до сантиметра, разработал оптимальные маршруты, сократив время уборки на треть. Собаки из сброда на поводках превратились в дисциплинированную «стаю». Он изучил психологию каждой: пугливую таксу водил подальше от машин, упрямого дога учил идти рядом не рывком, а изменением интонации. Хозяева, пораженные тем, как их непослушные питомцы стали вести себя с ним, как с вожакom, начали давать чаевые. «За воспитание», - говорили они. Для Артема это были не чаевые, а премия за экспертность.

Но шли годы, и скорость стала его главным врагом. Его империя выгула и «бизнес знаний» приносили стабильный доход, но цифры в его электронной крепости росли с мучительной, по его меркам, медлительностью. Пять тысяч в месяц, которые он отдавал матери по её же абсурдному указу, были не просто данью - они были дырой в бюджете, тяжёлым пассивом, тормозящим все его планы. Их нельзя было игнорировать. Ему нужен был рывок. Новый источник, который не отнимал бы драгоценные часы, отведённые на учёбу и управление текущими делами, но выдавал бы максимум отдачи за единицу времени.

Таким источником стал склад стеклотары на промзоне. Объявление висело на заборе: «Требуются грузчики. Оплата ежедневная». Никаких вопросов про возраст, ИНН или трудовую. Принцип был первобытным и честным: нужны деньги? Работай.

На месте его встретил Расим, сухощавый, обветренный мужчина с усталыми глазами и вечной сигаретой в уголке рта, проработавший здесь лет восемь.

- Работа не лёгкая, пацан, - хрипло сказал он, оглядывая Артема с ног до головы. - Выдержишь? Кишки не вывернет?

Артем, чьё тело уже было крепким от физического труда, а дух - закалённым борьбой, позволил себе лёгкую, самоуверенную ухмылку.

- Я молодой, крепкий. Что может пойти не так?

Расим коротко, беззвучно рассмеялся, будто услышал старую, как мир, шутку.

- Ха-ха. Сколько таких тут сломалось... Ну коли так, надевай перчатки, - он кивнул на грудy засаленных тряпок, - и пошли в бой.

Расим ловко запрыгнул в кузов подъехавшего КамАЗа, чтобы принимать ящики. Артем, глядя на его худое, пропитанное потом и, казалось, самой безысходностью тело, подумал: «Если он справляется, для меня это будет просто разминкой».

Он ошибался.

Работа была не просто тяжёлой. Она была адской. Воздух в огромном, полутемном ангаре был густым, как кисель, от едкой пыли и сладковато-тошнотворного запаха гниющих органических остатков, засохших на донышках бутылок. Постоянный, пронзительный звон бьющегося стекла не умолкал ни на секунду, вгрызаясь в сознание и оставаясь навязчивым фоном даже в тишине его комнаты по ночам. Ящики, которые он таскал, были чудовищно неудобными: тяжелые, неуклюжие, с острыми, рваными краями ржавой жести, которые находили лазейки даже сквозь перчатки и впивались в ладони. Спина загорелась огненной болью уже после первого часа, а к концу смены он чувствовал себя не человеком, а разбитой, дребезжащей куклой, набитой ватой из усталости.

В тот первый день он получил пятьсот рублей. Измученный, с пересохшим от пыли горлом, он позволил себе слабость: купил в ларьке бутылку холодной минералки и шоколадный батончик. Отдав девяносто рублей, он посмотрел на оставшиеся в руке четыреста десять и замер.

В его голове что-то щёлкнуло, перевернулось. Он впервые понял суть денег не абстрактно, а физически. Каждая купюра пахла теперь не просто возможностью, а конкретной болью в мышцах, едкой пылью в лёгких, звоном стекла в ушах. Батончик в его руке стоил не девяносто рублей. Он стоил восемнадцати минут адской работы в этом ангаре. Восемнадцати минут выжимания всех соков из своего тела. Ему стало не просто жаль денег - ему стало стыдно. Стыдно за эту маленькую, мгновенную слабость, оплаченную такой непропорционально высокой ценой.

Следующие смены не становились легче, но становились иными. Его тело, уже знакомое с нагрузкой, начало адаптироваться с пугающей, животной скоростью. Боль из огненной превратилась в глухую, привычную. Мышцы спины и плеч, вместо того чтобы ныть, стали упругими, на животе проступили первые, твёрдые квадратики пресса - не от спортзала, а от ежедневного противостояния тяжести. Он учился у Расима маленьким хитростям: как правильно брать ящик, чтобы не сорвать спину, как ставить ноги, как распределять вес. Это был уже не просто труд ради денег. Это была школа. Суровая, беспощадная, но честная школа выживания, где платой за знание была собственная боль, а дипломом - закалённое, сильное тело и железное понимание цены каждой заработанной копейки.

В короткие перерывы, сидя на ящиках из-под пива и стирая с лица пот и пыль, он не отдыхал. Он учился. Он доставал свой телефон и пробивался через дебри юридических статей и форумов. Его поисковый запрос был простым и ясным: «Как стать полностью дееспособным до 18 лет».

Так он нашел свой святой Грааль. **Эмансипация.**

Он вчитывался в сухие строки закона с жадностью голодного зверя. Эмансипация - это юридическая процедура, по которой несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору или занимается предпринимательством с согласия законных представителей.

Его мозг, привыкший вычленять суть, мгновенно проанализировал информацию.

«Фактически, это получение всех прав и обязанностей взрослого», - читал он. Заключать сделки. Открывать счета. Снимать жилье. Нести полную ответственность по своим обязательствам. Родители перестают нести за него ответственность.

Последняя фраза зажгла в нем электрическую дугу надежды. *«Родители перестают нести за него ответственность»*. Это значило, что Светлана больше не сможет им командо-

вать. Не сможет требовать с него деньги за «аренду» комнаты. Не сможет вломиться к нему с пьяными криками. Не сможет ничего. Он станет для нее чужим. Равным. А лучше всего - невидимым для ее юрисдикции.

Его расчет был безошибочным. Эмансипация была его законным, железобетонным билетом на свободу. Это был не побег, не бегство в ночи. Это был легальный, признанный государством выход из-под опеки человека, который давно перестал быть матерью. Он представил себе, как приносит ей документ из суда, где черным по белому будет написано, что она больше не имеет над ним власти. Он представил ее лицо. И впервые за долгое время на его губах, в пыльном полумраке склада, появилось нечто, отдаленно напоминающее улыбку.

Он сидел на ящике, слушая оглушительный грохот конвейера, и смотрел на свои руки, исчерченные царапинами от стекла. Они были его оружием. А эмансипация должна была стать щитом, который навсегда закроет его от прошлого. Оставалось только дожить до шестнадцати и найти способ получить согласие матери. Или обойтись без него. Он уже знал - там, где нельзя пройти лобовой атакой, всегда есть путь для обхода. Нужно было только найти его.

Глава 13: Предательство и отчаяние

Артем выждал почти месяц, чтобы поймать ее в редкие минуты относительной трезвости - после зарплаты, которую она еще не успела полностью пропить. Сердце его колотилось не от страха, а от предвкушения. Он держал в руках не просто разговор, а ключ от своей клетки.

Он нашел её на кухне в редкий, хрупкий момент затишья. Она сидела, уставясь в потрескавшуюся эмаль чайника, лицо одутловатое от плохого сна, но взгляд, поймавший отблеск из окна, был относительно ясен. Не трезв, но и не в отключке.

- Мам, нам нужно поговорить, - начал он, садясь напротив на табурет. Голос он выровнял, сделал спокойным, деловым. Она медленно перевела на него взгляд, в котором плавала привычная апатия, тут же подёрнутая плёнкой раздражения.

- О чём? Опять деньги? Ты же уже за этот месяц отдал.

- Не о деньгах. Вернее, не только, - Артем сделал паузу, давая словам вес. - Мне скоро шестнадцать. Я могу пройти процедуру эмансипации. Стать полностью дееспособным по закону. Для этого нужно твоё письменное согласие.

Она смотрела на него, будто он заговорил на латыни. Мозг, отравленный алкоголем и безразличием, с трудом цеплялся за незнакомые слова.

- Какой ещё эс-манси... чего? - она брезгливо сморщилась, словно от неприятного запаха.

- Эмансипация, - терпеливо, по слогам, повторил он, как когда-то объяснял нерадивым клиентам условия подписки. - Это формальность. Я уже самостоятельный, работаю. Ты это знаешь. Это просто даст мне право, например, официально снимать жильё, если понадобится. Ничего для тебя не изменится. Ты вообще ничего не почувствуешь.

В её глазах мелькнула искра - сначала тупого непонимания, а затем - старой, знакомой подозрительности. Зверь почуял угрозу.

- А мне-то это зачем? - голос её стал плоским, безучастным. Она отпила чая, громко прихлёбывая.

- Это не тебе, - сохраняя ледяное спокойствие, сказал Артем. - Это мне будет проще. Я взрослым стану в глазах закона.

- Ты и так взрослый, - она махнула рукой, отмахиваясь от него, как от надоедливой мухи.
- Ничего я подписывать не буду. Иди гуляй, дела делать не мешай.

Почва под ногами начинала колебаться. Он видел тупик. И тогда он разыграл свою последнюю, козырную карту.

- Я понимаю, это лишние хлопоты, - сказал он, слегка наклонившись вперёд, опуская голос до конфиденциального шёпота. - Я готов компенсировать. Дам тебе тридцать тысяч. Наличными. Единоразово. Только за твоё согласие и подпись.

Он произнёс сумму. «Тридцать тысяч». В их вселенной, где каждая тысяча была сражением, это звучало как цифра из сказки.

И в её глазах произошла мгновенная, леденящая метаморфоза. Апатия и раздражение испарились, словно их и не было. Из глубины мутных зрачков выполз и загорелся холодный, хищный, алчный блеск. Она не увидела в его предложении отступных или попытки договориться. Она увидела кошелёк. Тот самый кошелёк, который все эти годы тихо пополнялся у неё под носом и который теперь собрался сбежать. И она вдруг с ужасающей ясностью осознала его настоящую ценность. Не как сына. Как источник дохода.

Она медленно, с театральным достоинством, поставила чашку. Глиняный стук прозвучал громко в тишине кухни. Её губы растянулись в неприятной, кривой улыбке, обнажив пожелтевшие зубы.

- С чего это вдруг? - её голос стал сиплым, ядовитым, каждое слово было будто смазано дешёвым портвейном. - Засобирался, значит? Живи, никто не гонит. Места тебе хватает. Тут всё твоё.

- Я не собираюсь сразу уезжать, - солгал он, чувствуя, как пол окончательно уходит из-под ног, а холодный ужас сжимает горло.

- Ага, конечно, - она фыркнула, и её дыхание, обжигающее перегаром, донеслось до него. - Раз уж ты такой взрослый да деловой, и деньги, я смотрю, водятся... Давай-ка платить будем по-взрослому, по-настоящему. - Она сделала драматическую паузу, смакуя момент. - Следующий платеж за комнату - не пять, а десять тысяч. В месяц. И плати, пока не стукнет восемнадцать. А там посмотрим. - Она наклонилась к нему через стол, и в её глазах плясали уже не алчность, а торжествующая жестокость. - Или что... - прошипела она, - хочешь в детдом? Милости просим! Может, там из тебя человека сделают, раз у меня не получилось!

Его мир не просто рухнул. Он провалился в ледяную, беззвучную пустоту. Это был не отказ. Это было что-то гораздо хуже. Это было разоблачение. Ему показали пропасть его положения во всей её неприкрытой уродливости. Его свобода, его мечта, его священная цель - всё это было для неё не желанным облегчением, а разменной монетой. Картой в её убогой, пьяной игре. Он был для неё не сыном. Он был живым денежным мешком. И она только что дала ему понять, что выпускать этот мешок на свободу не намерена. Ни за какие тридцать тысяч. Он был её вечным дойным активом. И этот страшный, отвратительный расчёт в её глазах был понятнее любых слов.

Он вышел из кухни, не сказав больше ни слова. В его груди бушевал ураган из ярости, обиды и самого страшного - отчаяния. Он был в ловушке. Законный путь к свободе оказался перекрыт ее алчностью.

И тогда, в этом отчаянии, родился самый отчаянный, самый самоубийственный план. Если она шантажирует его детдомом, он опередит ее. Он сожжет все мосты дотла.

Он вышел на улицу, нашел самый дальний таксофон и, изменив голос, набрал номер органов опеки.

- Здравствуйте, - сказал он, глядя в грязную стену будки. - Я сосед. Я хочу сообщить о ребенке по адресу... Антисанитария полная, мать постоянно пьяная, ребенок предоставлен сам себе. Он даже работает где-то, чтобы себя прокормить. Вы уж проверьте, пожалуйста.

Он положил трубку. Руки дрожали. Он представлял себе стерильные коридоры детдома, строгий распорядок, скудную, но регулярную еду. Это будет ад, но ад предсказуемый. А главное - у него есть его деньги. Его цифровая крепость. Он продержится там два года, а в восемнадцать получит от государства квартиру и начнет жизнь с чистого листа, с капиталом за плечами. Это казалось более стабильным планом, чем вечная война с матерью-кровососом. Он решил уничтожить свой старый мир, чтобы построить новый. Даже если для этого пришлось бы уничтожить в себе последние остатки надежды на что-то лучшее.

Глава 14: Игра в кошки-мышки

С того момента, как он положил трубку таксофона, мир вокруг не рухнул - он съёжился, стал липким и враждебным. И почти сразу, ещё стоя в душной будке, его накрыла волна леденящего, животного ужаса. Не за мать. За себя. Что он наделал?

Мысли понеслись вихрем, холодные и безжалостные. Детдом. Это же не просто другое место. Это тюрьма. Тюрьма для детей. Там не будет его комнаты-крепости с бронированной дверью. Там будет общая спальня, общий туалет, общая жизнь. Коллектив. Артем физически содрогнулся. Он не умел быть в коллективе. Вся его жизнь с двенадцати лет была построена на тотальном одиночестве, на контроле, на чётких границах. Там его сломают. Не физически - морально. Отнимут последнее, что у него есть - волю. Там будут другие правила: подчиняйся, не высовывайся, делись (хоть чем!). А делиться ему было нечего, кроме своей боли и своего упрямства.

И самое главное - эмансипация. В детском доме о ней не могло быть и речи. Он стал бы бесправной единицей на государственном довольствии. Его цифровая крепость с вкладами и облигациями? Заморозили бы или изъяли «в интересах ребёнка». Его бизнес с Катей? Умер бы в тот же день. Все его схемы, его планы, его титанический трёхлетний труд по строительству себя - всё обратилось бы в прах. И взамен он получил бы миску баланды, обшарпанную койку и два года ожидания в клетке, чтобы в восемнадцать получить какую-нибудь однокомнатную квартиру на окраине, начинать всё с чистого, нищего листа. Он продал бы свою душу, свой ум, свою свободу за миску чечевичной похлёбки.

Он вышел из будки, и его вырвало - горькой желчью и осознанием собственной глупости. Это была не стратегия. Это была паническая атака, детский саботаж, который бил по нему же в тысячу раз сильнее. Ошибка. Колоссальная, чудовищная, непростительная ошибка. И её нужно было исправлять. Немедленно.

С этого мгновения Артем переключился. Паника схлынула, уступив место знакомому, леденящему, хищному сосредоточению. Он больше не был загнанным зверьком. Он стал полководцем, готовящимся к обороне своей главной цитадели. Враг был уже не в квартире. Враг был абстрактен, безличен и страшен - система опеки. Но у него было преимущество: он знал поле боя. И у него было время - от одного до трёх дней, судя по рассказам. Каждая минута теперь была шахматной фигурой, каждое действие - ходом.

Он шёл домой, и его мозг, отточенный годами решения задач, уже работал на пределе.

«Ситуация: ожидается внезапная проверка из-за анонимного сигнала о неблагополучии. Цель: проверку провалить. Задачи: ликвидировать все внешние признаки хаоса и опасности. Создать видимость относительно нормальной жизни. Взять на себя роль ответственного, а не жертвы».

Он мысленно сканировал квартиру, как поле битвы:

Поле №1: Внешний вид матери. Неподконтрольно. Максимум - попытаться вывести её в день проверки или изолировать. Рискованно.

Поле №2: Антисанитария. Контролируемо. Полная зачистка.

Поле №3: Отсутствие продуктов. Контролируемо. Необходим минимальный запас.

Поле №4: Его собственная презентабельность. Критически важно. Он должен выглядеть не запуганным, а уставшим от забот подростком.

Он вошёл в квартиру, уже не чувствуя отчаяния. Чувствуя азарт. Это была самая важная операция в его жизни. И он не имел права её провалить. Он начал с того, что достал из своего тайника немного денег. Не на еду для себя. На оружие. На химию для уборки, на новый пакет для мусора, на самый дешёвый, но яркий букет цветов для кухни - символ того, что здесь кто-то пытается жить, а не выживать. Война за его будущее началась.

Он объявил тотальную мобилизацию. Это была не уборка, а операция по маскировке. Он выбросил все пустые бутылки, следы которых были подобны уликам на месте преступления. Отдраил до блеска раковину, унитаз, ванну. Вымыл полы с хлоркой, выбил коврики, протер пыль на всех поверхностях, включая верх дверных косяков. Он проветривал квартиру до тех пор, пока от нее не стало пахнуть морозом и чистотой, а не затхлостью и отчаянием. На последние деньги он купил самый дешевый, но яркий букет желтых хризантем и поставил его на кухонный стол - кричащий символ благополучия, который должен был отвлечь от общего впечатления.

Он подготовил и себя. Надел самую чистую, почти новую рубашку, аккуратно зачесал волосы. Он репетировал перед зеркалом: спокойное, открытое, но слегка опечаленное выражение лица. Он должен был выглядеть как ответственный, немного уставший от забот подросток, а не как затравленный зверек.

Игра началась со звонка в домофон. Он глубоко вдохнул и нажал кнопку. Сердце колотилось, но руки были сухими и холодными.

Дверь открылась. На пороге стояли две женщины - одна постарше, с строгим, натренированным взглядом, другая помоложе, с блокнотом. Артем стоял в проеме, идеально чистый и собранный, живая реклама благополучия.

- Здравствуйте, мы из органов опеки. Поступил сигнал...

- Проходите, пожалуйста, - вежливо прервал он их, отступая в сторону.

И в этот самый момент, как по какому-то дьявольскому сценарию, за его спиной послышался грохот, пьяный мат и тяжелые, заплетающиеся шаги. Из своей комнаты, как два кошмарных призрака, вывалились Светлана и Виктор. Они были не просто пьяны - они были в стельку, невменяемы. Светлана, с растрепанными волосами и расплывшейся тушью, бессвязно что-то мычала. Виктор, шатаясь, уставился на гостей мутными глазами.

- А э-это кто такие? - просипел он.

Контраст был настолько шокирующим, что женщины замерли. С одной стороны - чистый, пахнущий свежестью дом и опрятный подросток. С другой - два воплощения социального дна, едва держащиеся на ногах.

Артем почувствовал, как по спине пробегает холодная волна отвращения. Но его лицо лишь дрогнуло. Он повернулся к женщинам, и в его глазах появилась искусная смесь стыда и грусти.

- Простите, пожалуйста, - его голос нарочито дрогнул, и он тут же взял себя в руки, изобразив усилие. - У мамс сегодня тяжелый день. Годовщина одной утраты. Она не всегда такая, честное слово. Вы пришли в очень неудачный момент.

Он говорил, аккуратно опуская детали, предлагая им самим дорисовать картину: смерть мужа, горе, с которым женщина не справилась. Его неестественно чистая рубашка, вымытые до скрипа полы и это жалкое, пьяное месиво за его спиной создавали мощный, пусть и лживый, контраст.

Старшая, которую звали Ольга Викторовна, скептически окинула взглядом Светлану, пытавшуюся что-то бубнить, и Виктора, сползавшего по косяку. В её глазах читалась не столько жалость, сколько усталое знание всех этих «горестей».

- Я понимаю, горе, - сухо, почти механически сказала она. - Но, юноша, ребенок должен находиться в безопасных условиях. Выглядит это... - она жестом показала на пару, - не лучшим образом.

Младшая сотрудница, с блокнотом в руках, смотрела на него с немим вопросом, смешанным с сочувствием.

- Покажи нам свою комнату, - неожиданно, уже без «юноша», приказала Ольга Викторовна, намеренно игнорируя невменяемых родителей. Её взгляд был острым, как скальпель. Если в квартире и был порядок, то он явно был показным. Нужно было найти изъян.

Артем почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это был ключевой момент.

- Да, конечно, проходите, - он отступил, пропуская их в свой коридорчик.

Они зашли. Контраст был разительным. Если остальная квартира пахла свежей химией и скрытой паникой, то здесь пахло порядком. Пространство было крошечным, но каждая вещь лежала на своём месте. Кровать заправлена с армейской чёткостью, учебники стояли ровной стопкой, на столе - только лампа и блокнот с графиками. Это была не комната, а демонстрационный стенд идеального быта. «Как в летнем лагере на конкурсе «Лучший уголок», - мелькнула мысль у младшей сотрудницы.

Ольга Викторовна молча обошла комнату. Её взгляд выискивал пыль на верхней кромке двери, на карнизе, под кроватью. Артем стоял, затаив дыхание, вспоминая, как на рассвете, уже после генеральной уборки, прошёлся по всем этим местам влажной тряпкой. Женщина не удержалась и провела указательным пальцем по узкой полочке над столом. Палец остался чистым. Она посмотрела на него, затем на Артема. В её глазах не было одобрения - был холодный, аналитический интерес.

- Ты сам так живёшь всегда? - спросила она прямо.

- Стараюсь, - кивнул Артем. - Так спокойнее.

Сотрудницы переглянулись. Версия о том, что это убрала мать, рассыпалась. Эта стерильная, почти монашеская клетка явно была территорией подростка. И это меняло дело. Они молча вышли, прошли на кухню, опасливо дав крюк вокруг Светланы и Виктора.

Кухня тоже блестела неестественным блеском. Ремонта, конечно, не хватало - обои пузырились, линолеум протёрся, но все поверхности лоснились, холодильник тихо гудел, и сквозь стекло дверцы было видно: молоко, масло, яйца, пачка макарон. Ребёнок не голодал. Мусорное ведро было пустым и даже вымытым. «Не все живут богато, но чистота... - мысленно закончила фраза Ольга Викторовна. - Чистота - это труд. И воля».

Картина складывалась противоречивая, но уже не катастрофичная. Да, мать - явное горе, опустившееся существо. Но ребёнок выглядел как взрослый, взявший на себя непосильную ношу и, неплохо с ней справляющийся. Сигнал о заброшенности и антисанитарии не подтверждался. Здесь был бардак в лице взрослых и почти болезненный порядок - в лице ребёнка.

Ольга Викторовна выдохнула, смиряясь с тем, что сегодняшний выезд не даст простого решения.

- Ладно, - сказала она, обращаясь уже скорее к Артему, чем к пространству вокруг. - Мы зафиксировали. Будем иметь в виду. - Она сделала паузу, глядя на него серьёзно. - Но учти, если ещё поступят жалобы... Разберёмся более тщательно. И запомни: ты всегда можешь обратиться к нам сам. Если станет неважно. Понимаешь?

Её взгляд говорил: «Я вижу, что тут происходит. Но закон бессилен, пока ты держишься». Артем встретил её взгляд и молча, почти невидимо, кивнул. Он понимал. Это была не победа. Это была отсрочка. Хрупкое перемирие, купленное ценой безупречного спектакля и титанических усилий.

Они ушли. Артем закрыл дверь и прислонился к ней спиной, чувствуя, как дрожь наконец-то пробивается сквозь ледяной контроль.

Светлана, протрезвев от испуга минут через двадцать, подошла к нему. Ее лицо было серым от страха.

- Спасибо, - выдохнула она, одно сухое, ничего не значащее слово.

Он не ответил. Он смотрел на нее и видел не мать, а проблему. Угрозу. Через час, как только страх окончательно развеялся, она уже доставала из шкафа новую, заветную бутылку. Никаких уроков извлечено не было.

Для Артема это был момент окончательного, бесповоротного прощания. Он не испытывал ни гнева, ни жалости. Только холодную констатацию факта. Он понял, что только что спас не ее. Он спас свой собственный шанс. Попади он сейчас в детдом, о какой эмансипации могла идти речь? Его план рухнул бы, а его сбережения могли быть заморожены или изъяты. Он отстоял не их общий дом, а свой будущий плацдарм. Клетка треснула, но не распалась. И теперь он знал - чтобы вырваться на свободу, нужен будет не звонок в опеку, а куда более хитрый и дерзкий ход.

Глава 15: Последняя битва за свободу

Следующие несколько недель Артем потратил на юридическую подготовку. Он изучил не просто образцы заявлений, а кошмарные истории других подростков, пытавшихся освободиться от опеки нерадивых родителей. Он понял главное: система инертна и слепа, но ее можно обойти, если действовать с ее же бюрократической бездушностью. Ему нужно было не просить свободу, а предоставить ей готовый, безупречно оформленный кейс.

Он создал многослойный документ. Наверху лежало безобидное «Объяснительное письмо» для классного руководителя о «временных трудностях в семье», под ним - распечатанные требования к школьной форме, а в самом низу, на незаметном бланке, - заявление о согласии родителей на эмансипацию. Шрифт был мелким, формулировки - сухими, казенными. Это был его троянский конь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.